

Г. Г. Писаревский

**Переселение прусских меннонитов в Россию при
Александре I**

Ростов на Дону 1917

Типография Т-ва С. С. Сивожельзов и Ко, Ростов н/Д.

Переселение прусских меннонитов в Россию при Александре I*).

Первые поселения меннонитов в России были основаны в царствование Екатерины II; когда последовали одно за другим два переселения их (в 1788— 1789 и 1793— 1796 г.г.) из Западной Пруссии в Новороссийский край 2).

В короткое царствование Павла I мысль о желательности переселения меннонитов в Россию не умирала в

*) I Московский Главный Архив Министерства Иностр. Дел. II, 1. 1797 (и последующих лет), № 1: „О поселении в России Прусских менонистов и разных немецких ремесленников”.

II. Архив Министерства Земледелия:

а) Дело № 812/2246— „О переселении в Россию елбингских и мариенбургских менонитов и об изъявленном высочайшем благоволении экспедиции государственного хозяйства и новороссийской опекунской конторы за хорошее управление иностранными колониями” 1802 -1803 г.г.

б) Дело № 1934 2252 „По отношению государственного канцлера гр. Воронцова с объявлением высочайшей воли относительно донесения консула в Данциге Трефурта о выходе из Пруссии менонитов, живших около Элбинга и Мариенбурга, о сделанных распоряжениях к приему их, о разрешенной им ссуде, а также о Высочайшем соизволении на отобрание от капитана Вуковича 13404 дес. земли для водворения иностранных поселенцев и о построении для вышедших менонитов домов на Молочных Водах” 1802-1805 г.г.

в) Дело № 2060/2302 „О переселении менонистов из Пруссии в Новороссийский край”.

г) Дело № 2156/2330 "По письму генерального консула в Гданске ст. сов. Трефурта о приготавлиющихся из Пруссии к выходу для поселения в России менонистах”.

д) Дело № 2016/2284 „По представлению новороссийской опекунской конторы касательно произведенной выдачи из Пруссии вышедшим менонистам кормовых и ссудных денег и по предмету обзаведения их хозяйством”.

2) Об этом см. Г. Писаревский, Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в., X глава. 290-338 стр. „Вызов меннонитов в Россию”.

правительственных кругах. В феврале 1797 года русский консул в Кенигсберге Иван Леонтьевич Исаков донес вице-канцлеру князю Куракину „о заявленном ему от нескольких семей менонистов желаний переселиться в Россию". По докладу вице-канцлера, последовало на это соизволение императора Павла, и консулу предписано было, „чтобы он, не отвергая подобных чинимых ему предложений, под рукою и без всякого оглашения поощрял и способствовал желающим переселиться менонистам, употребляя даже на вспоможение им некоторое, но не великое, число денег". Предписание это, в виде письма вице-канцлера к Исакову от 16-го февраля, правительство не решилось вверить почте из боязни перлюстрации в Пруссии, а поручило курляндскому губернатору Ламсдорфу отправить „при верном случае" и таким образом сохранить все дело в тайне. 15/26 марта 1797 года письмо было доставлено консулу статским советником Кохом.

Получив письмо, консул немедленно послал за жившим в Кенигсберге комиссионером меннонитов Михаэлем Миро, „кoмy все нужное к сведению его из письма... прочитав, просил, чтоб (он) с первую же почтою об оном товарищам своим дал знать, притом велел советовать всем, чтоб не медлили отъездом своим, дабы, докуда еще время дозволяет, успели будущие свои земли обработать". Комиссионер в ответ на это заявил, что, по невозможности скоро продать свои хозяйства, первый транспорт меннонитов из двенадцати семей отправится не прежде 1-го мая, а второй из семнадцати, а может быть и более семей, — не прежде 1-го июня, и что большая часть этих переселенцев „никакой казенной помощи не потребуют", и только некоторые, быть может, „в деньгах надобность иметь будут". Чтобы устранить у меннонитов всякие сомнения и колебания, Исаков, по просьбе Миро, выдал ему особое удостоверение на немецком языке за своей подписью содержавшее „обнадеживание в милости и покровительстве его и—го вел-ва.

Уведомляя почтой же вице-канцлера о своих действиях в письме от 20/31 марта, консул вместе с тем требовал разъяснения, сколько именно денег выдавать меннонитам, и просил, „как для провожания" последних,

„так и для защищения их в пути", или прислать надежного человека из Либавы, или дозволить самому ему проводить их до границы.

Выдача письменного удостоверения и обращение комиссионера и самого консула к услугам почты нарушало тайну задуманного переселения меннонитов. Чтобы не компрометировать себя сманиванием чужих подданных, правительство сочло нужным на этот раз не давать дальнейшего хода уже налаживавшемуся делу.

Но это была только временная отсрочка, вызванная нетактичностью дипломатического агента 1); мысль о желательности переселения в Россию меннонитов не была оставлена 6-го сентября 1800 года императором Павлом дана была меннонитам жалованная грамота, контросигнированная графом Ростопчиным 2), и имевшая в виду не только уже водворенных в России меннонитов, но и тех, „которые впредь в новороссийской губернии селиться пожелают".

„Снисходя", гласила грамота, "на просьбу водворенных в новороссийской губернии меннонитов, которые по засвидетельствованию начальства отличным трудолюбием и благонравием своим могут быть поставлены в пример прочим поселенным там иностранцам, и тем заслуживают особливое внимание, всемилостивейше восхотели Мы сею императорскою Нашею жалованною грамотою не токмо утвердить все их права и преимущества, изъясненные в предварительно заключенных с ними условиях 3), но для возбуждения в них вящей ревности к трудам и рачению к домоводству, даровать им и другие выгоды".

Грамота таким образом подтверждала:

1) Свободу меннонитов „в беспрепятственном, отправлении веры по церковным их установлениям и обычаям" с дозволением приносить в судебных местах

-
- 1) Москов. Гл. Архив Мин. Ин. Д.: письмо вице-канцлера кн. Куракина к Николаю Петровичу Архарову от 27 февраля 1797 г.; письмо Исакова к вице-канцлеру от 20/31 марта того же года; "записка о менонистах".
 - 2) В Полн. Собр. Зак., том XXVI. № 19546 слова „контросигнировал граф Ростопчин" пропущены.
 - 3) См. Г. Писаревский, „Из истории иностр. колонизации в России в XVIII в.". 299-304 стр.. где эти условия приведены полностью.

„присягу, по их обыкновению в одном изустном утверждении состоящую”;

2) свободу от обязательной военной и гражданской службы как самих переселившихся и переселяющихся в Россию меннонитов, так равно их детей и потомков, в чем они торжественно „обнадеживались императорским словом”;

3) свободу „от всякого рода постоев”, „квартирования” и „всяких казенных работ”, за исключением временного постоа проходящих воинских команд. обязанности исправно содержать мосты, перевозки и дороги, находящиеся на их землях, и участвовать в расходах на почты, „по общему распоряжению”;

4) свободу обратно выехать за границу 1) по уплате казенного долга и трехгодичной подати с нажитого в России капитала, „сколько оного по совести” выезжающего „и начальников селения, где он находится, объявлено будет”; та же подать взыскивается и с переходящего за границу наследства после умерших меннонитов;

5) право заводить фабрики как в их колониях, так и во всех городах империи 2). заниматься ремеслами и торговлей, вступать в гильдии и цехи на основании существующих государственных узаконений;

6) право десятилетней льготы от полатей с распространением ее „и на тех, которые впредь в новороссийской губернии селиться пожелают”;

7) право, по миновании льготы, платить с отведенных каждому семейству 65 десятин земли по 15 копеек с десятины при условии освобождения „от всяких податей другого рода”;

8) право пользования в их дачах, по праву владения, всеми угодьями и рыбною ловлею

-
- 1) Она была предоставлена всем колонистам 9-м пунктом манифеста 22 июля 1763 года. Но по манифесту выезжавшие обратно колонисты уплачивали в казну известную часть нажитого в России имения, в зависимости от числа прожитых в ней лет, а именно: прожившие от одного года до пяти лет пятую часть, а от пяти до десяти лет и далее десятую.
 - 2) А не только „наместничества екатеринославского или области таврической”, как ходатайствовали при Екатерине II сами меннониты.

Одновременно с подтверждением прав и свобод ранее пожалованных Екатериною II грамота узаконила только что дарованные самим императором Павлом меннонитам новые, или утверждала фактически только существовавшие старые льготы и преимущества, а именно:

1) „в уважение их бедности и неимущества“, „по причине бывших в некоторые годы неурожаев и падежа скота“, меннониты получали новую пятилетнюю отсрочку в платеже поземельной подати;

2) для тех меннонитов, которых „по тесноте в Хортицком урочище“ предположено было переселить на новые места, отсрочка удлинялась до десяти лет“;

3) по миновании означенных льготных лет взыскание выданных меннонитам ссудных денег разсрочивалось с остающихся на старых местах в Хортице на десять лет, а с переселяемых — на двадцать лет, причем уплата должна была производиться по равным частям;

4) отведенные земельные участки по 65 десятин на семью утверждались меннонитам в неоспоримое и вечнопотомственное владение“, под условием однако неотчуждаемости из них в посторонние руки „ни малейшего участка, под каким бы то видом ни было, без воли учрежденного над ними начальства“; распоряжаться же прочим имением жаловались „полная свобода и власть“, „по произволу и благоизобретению каждого“;

5) меннонитам дозволялось в своих дачах, по праву владения, „варить пиво и уксус, курить хлебное вино, как собственно для своего употребления, так и на продажу в розницу на землях, им отведенных“; в связи с этим в пределах меннонитских владений запрещалось посторонним лицам строить „харчевни и питейные дома“, а „откупщикам производить продажу вина и содержать шинки“ без согласия владельцев; наконец,

6) меннонитским колониям предоставлялась свобода „выбирать по собственным своим правилам опекунов над имением малолетних детей, остающихся после умерших“.

Этот законодательный акт не столько сам по себе, сколько в соотношении с другим актом противоположного ограничительного характера, изданным год спустя прусским правительством (17 декабря 1801 г.), сыграл боль-

шую роль в усилении меннонитской эмиграции в Россию и насаждении в ней меннонитского землевладения

Меннониты вошли в состав Пруссии по первому и второму разделам Польши. К началу XIX века их числилось там до 8000 семей. Полицейско-милитаристический характер прусского государства не мирился с проживанием на его территории подданных, не отбывавших воинской повинности. Поэтому прусское правительство рано стало ограничивать и стеснять права меннонитов, дабы побудить их к вступлению в военную службу. Взамен рекрутской повинности, „привилегией“ 29 марта 1780 года на них была наложена подать в пять тысяч (5000) талеров на содержание Кульмского кадетского института (корпуса), а девять лет спустя, указом 30-го июля 1789 года приобретение или расширение недвижимого имущества меннонитами обставлялось РЯДОМ ограничительных условий. Меннониты, владевшие земельными участками, обязывались нести все лютеранские церковные повинности. Покупка меннонитами не меннонитских поместий допускалась лишь при тех условиях, если часть продаваемого участка оставалась в руках не-меннонита (обязанного военной службой), или если путем такой продажи не-меннонит избегал разорения. Водворение новых меннонитов в Западной и Восточной Пруссии и Литве воспрещалось 1).

Под давлением такого рода политики некоторые меннониты стали вступать в военную службу. Опыт показал, что из них могут выходить хорошие солдаты, и это обстоятельство побудило прусское правительство далее идти по принятому им пути.

17 декабря 1801 года состоялась королевская декларация, вводившая новые и весьма существенные ограничения для меннонитского землевладения. Декларация исходила из следующих двух основных положений:

1) меннониты, отбывающие воинскую повинность „в разсуждении права на приобретение недвижимого имущества заслуживают уравнивания быть с прочими... христианскими подданными подобного им звания“, и

1) С. Д. Бондарь. Секта меннонитов в России. Петроград 1916 г. Стр. 201.

2) напротив, уклоняющиеся „от всеобщего долга защищать отечество на будущее время" должны быть лишены нрава „размножать" свои владения, „или расширять пространство оных и пользоваться соединенными с освобождением от рекрутства выгодами, служащими к угнетению других полезных государству христиан".

Развивая эти положения, декларация определяла:

1) Те меннониты, которые заявят, что они наравне с прочими подданными своего звания принимают на себя надлежащую обязанность в отношении военной службы и не требуют свободы от воинской повинности, имеют быть совершенно освобождены от всех введенных для их единоверцев указом 30 июля 1789 года ограничительных условий в деле приобретения или расширения недвижимых имений (Grundstücken), а поступать с ними на тех же самых основаниях, как и с прочими христианами их звания (ihres Standes).

2. Во время принятия в военную службу военно-обязанный (Cantonpflichtige) меннонит, во внимание к его понятиям о вере, избавляется от присяги и требуемое обещание принимается от него посредством удара по рукам (mittelst Handschlages).

3) К взносу подати, которую неподлежащие рекрутскому набору меннониты платят за эту свободу ежегодно в пользу кульмского кадетского корпуса, не должно обязывать тех меннонитов (zu der Abgabe... sollen diejenigen Mennonisten beizutragen nicht verbunden sein), которые, посредством принятой обязанности нести военную службу, в отношении приобретения и расширения недвижимых имений получают все права прочих христиан.

4) Напротив того, ни одному меннониту, который не изъявит готовности пожертвовать свободой от рекрутчины, не должно впредь быть позволяемо, под каким бы то видом ни было, приобретать таковые недвижимые имения, будь они сельские, или городские, право собственности над коими во время опубликования этого узаконения (Verordnung) не находится в обладании меннонитов, сообразно с чем и дозволяемое до сих пор изъятие на будущее время совершенно уничтожается, дабы таким образом находящееся налицо теперь количество владений меннонитов, свободных

от военной службы, впоследствии никоим образом не было умножено, или пространство их (deren Umfang) не было расширено.

5) Меннонитам, во время публикации настоящего узаконения владеющим недвижимыми именами, доколе они принадлежат к этой секте и остаются в обладании своими недвижимыми именами, должна и впредь предоставляться обеспеченная им свобода их сыновей от военной службы, соответственно чему они должны в точности (überall genüge) выполнять законные условия, в силу коих даровано им это изъятие.

6) Эта свобода от рекрутчины должна также оставаться неизменной, когда при кончине теперешнего собственника недвижимых имения опять переходят к меннонитам, как законным мужского пола наследникам (Intestat Erben 1) последнего владельца.

7) Кроме этого случая, когда собственность достается мужского пола наследникам меннонитского вероисповедания по праву родства, свобода от рекрутчины должна совершенно прекратиться при ближайшей перемене владения, и кто приобретает таковое недвижимое имение посредством купли, мены, дарения, завещания, духовной записи (Vermächtniss), вступления в брак со вдовой, дочерью или родственницей последнего владельца, или каким-либо иным способом, тот не имеет права заявлять притязание на свободу от воинской повинности.

8) Определенная привилегией 29 марта 1780 года за освобождение от военной службы подать в размере 5000 рейхсталеров в пользу кадетского института в Кульме должна и впредь без умаления быть платима и собираема с свободных от рекрутчины меннонитов. Только в том случае, когда число не подлежащих воинской повинности меннонитов так уменьшится, что будет меньше, чем их было на 29 марта 1780 года, должна быть дарована соответствующая сбавка.

Вводимое приведенной декларацией запрещение меннонитам приобретать недвижимые имения, в частности новые земельные участки, было для них, по условиям их

1) Intestat'-Erbe — наследник по праву родства, лицо, наследующее по закону, а не по завещанию.

хозяйства 1) мерой весьма тягостной. Прусское правительство сознавало, что оно вызовет сильное недовольство в их среде и даже эмиграцию в другие страны, в особенности в Россию, где уже существовали колонии их единоверцев; терять зажиточных подданных, исправных плательщиков налогов, конечно было нелегко; но соображения государственной обороны и простой справедливости по отношению к прочим подданным, обязанным поставлять вместо меннонитов лишнее число рекрут, взяли верх над соображениями хозяйственными. Других мотивов, в особенности каких либо националистических тенденций, в издании нового ограничительного закона усмотреть нельзя Дело в том, что меннонты, переселившись в Пруссию из Голландии в XVI-ом столетии, совершенно здесь онемечились и отличались от остального населения лишь более высокой степенью экономического благосостояния и привилегированным положением в отношении рекрутчины. Они говорили на том же нижне-немцком языке (Plattdeutsche Sprache), что в окружающее их население, языком же церкви, школы и письменности был у них общий литературный немецкий язык. На нем печатались для них рекламы; восхвалявшие жизнь в России и приглашавшие их туда эмигрировать, на нем переписывались прусские и данцигские меннониты с своими братьями, водворенными в Новороссийском крае при Екатерине II Последние в заключенных с русским правительством условиях выговорили себе присылку землемера, знающего именно немецкий язык 2); книги и брошюры религиозно-нравствен-

-
- 1) Об этом см. Г. Писаревский. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. стр. 292 и 293.
 - 2) Водворившиеся в России в равное время меннониты, как при Александре I (на Молочных Водах в нынешней Таврической губернии), так и при Екатерине II (в Екатеринославской губ.) были немцы по языку и быту. Хотя Георг Траппе, вербовавший меннонитов при Екатерине II, и вел переговоры с голландскими меннонитами (письмо Траппе к вице-канцлеру гр. Остерману от 22 апр. 13 мая 1788 г. в Моск. Гл. Архиве Мин. Ин Дел, см. также Г. Писаревский, Из истории иностр. колонизации в России, 324-325 стр., где помещен перевод письма на русский язык), но эти переговоры ни к чему не привели, и ни один голландский меннонит тогда в Россию не переселился.

наго содержания печатались у прусских меннонитов также на немецком языке. Для примера хотя бы назовем справочник, печатавшийся время от времени в Данциге и содержавший список всех существовавших в мире меннонитских общин с их проповедниками: *Namenverzeichniss der sämmtlichen remonstrantischen Professoren und Prediger, wie auch derjenigen aller andern Mennonitischen Gemeinen in- und ausserhalb der Batawischen Republick*". Этот справочник был боле исправным и полным, чем таковое же ежегодное издание голландских меннонитов в Амстердаме 1). Он снабжался предисловием и каким либо литературным приложением. Непосредственно после обнародования выше названной королевской декларации он в течение трех лет печатался дважды: в 1802 и в 1805 годах. Так как создавшееся после этой декларации положение горячо обсуждалось в меннонитской среде, и для многих единственным выходом из него представлялась эмиграция, то для издания 1805 года решено было инициаторами его дать в виде приложения краткую историю меннонитской эмиграции (*eine kurze Geschichte der Auswanderung mennonitischen Glaubensgenossen*), о чем было печатно заявлено. Но прусское правительство не позволило выполнить этого намерения, дабы не подогревать в меннонитах стремления к эмиграции. Поэтому издатели, заявив в предисловии о невозможности для них выполнить обещание, дипломатически предоставляют самим читателям догадываться о ее причинах: „Будет-ли это потому, что освещение этого дела слишком преждевременно, или потому, что следует держаться справедливого изречения: оставайся в своей стране и питайся честно; и мы тем охотнее воздержимся от этой рискованной попытки, что большинство наших единоверцев имеют счастье проводить свои дни под высочайшим покровительством и при величайшей свободе совести" 2).

-
- 1) Da die jährliche Amsterdammer Ausgabe desselben vor wie nach fehlerhaft bleibt und von Druckfehlern wimmelt, so haben wir es für nöthig erachtet, uns dieser Bemühung aufs neue zu unterziehen und hoffen damit den Dank unsrer (Glaubensbrüder zu verdienen.
 - 2) *Namenverzeichniss der sämmtlichen remonstrantischen Professoren und Prediger...* Verbesserte Ausgabe vom Jahre 1805. Danzig gedruckt mit Müllerschen Schriften.

Тем не менее оставаться под прусским режимом были согласны далеко не все меннониты как до, так и после этого заявления их главарей.

Немедленно по обнаружении декларации 17 декабря 1801 года меннониты послали своих депутатов в Берлин хлопотать если не о полной отмене, то о смягчении означенной декларации; но их хлопоты (долгое время) не имели успеха.

Русский консул в Данциге Трефурт в донесении от 18/25 августа 1802 года писал по этому поводу своему правительству:

„Депутаты меннонитов все еще находятся в Берлине, чтобы ходатайствовать там о смягчениях в содержании указа, столь губительного для их секты, но его величество король до настоящего времени не соизволил ни в чем изменить своего решение; если указ, о котором идет речь (*l'edit en duestion*), останется в силе, большая часть покинет страну; и хотя Пруссия не имеет недостатка в населении, она пострадает однако от утраты этих подданных земледельцев, которые платят много государству; здесь взвешивают только выгоды момента, чтобы слишком заботиться о будущем, щедрой рукой (*de la bone facon*) облагая подданных податями и стесняя торговлю большими налогами единственно для того, чтобы, путем формирования все новых полков, увеличивать армию уже весьма многочисленную.

Пруссия заслуживает быть названной государством чисто военным, во всей силе этого слова, ибо десятый человек там - солдат" 1).

Этот милитаристический характер прусского государства не позволял меннонитам особенно надеяться на успех миссии своих депутатов, и прежде чем выяснился окончательный результат их хлопот, у некоторых членов секты уже вполне созрело решение переселиться в Россию. По словам Трефурта в донесении от 5/17 мая 1802 года 2) большое влияние в данном случае оказало пребывание в Пруссии летом 1801 года двух меннонитов из Хортицы в Новороссии. Приехав сюда по своим домашним делам,

1) Архив Министерства Земледелия, № 1934/2252.

2) Москв. Главн. Архив Мин. Мн. Дел.

они много рассказывали о той зажиточности и тех выгодах, которыми пользуются меннониты под русским владычеством, и эти рассказы послужили для их прусских единоверцев довольно веским аргументом в пользу переселения в Россию,

О своем желании переселиться в Россию двести меннонитских семей из окрестностей Эльбинга сочли нужным довести до сведения русского правительства одновременно двумя путями: через консула Трефурта 1) и через окружный приказ Хортицкой колонии 2). Испрашивая соизволение государя на это переселение, они в то же время хотели знать, могут-ли они рассчитывать на те же привилегии и на ту же ссуду, какими воспользовались ранее их водворившиеся в России их единоверцы.

Сообщение Трефурта ранее дошло по назначению, и было встречено императором Александром с большим удовольствием. Выразив свое принципиальное согласие на переселение меннонитов в Россию, он повелел „снабдить консула надлежащими на сей случай предписаниями“. Особенно приятное впечатление произвел на императора тот указанный в донесении Трефурта факт, „что поселенные в новороссийской губернии меннониты распоряжениями об них экспедиции государственного хозяйства и местным управлением состоящей там конторы столько довольны, что поощряют к переселению в Россию и других своих соотчичей“. Тронутый этим государь выразил свое удовольствие и благоволение как экспедиции, так и новороссийской конторе. Мало того: на имя главного судьи новороссийской конторы колл. сов. Контениуса 3-го июля 1802 года дан был следующий секретный императорский рескрипт:

„Господин коллежский советник Контениус! Экспедиция государственного хозяйства свидетельствует Мне о ревностном попечении вашем к благо устройению и улучшению состояния вверенных начальству вашему меннонитов, в новороссийской губернии поселенных. Обращая

- 1) Москов. Главн. Архив Мин Ии. Д.: донесение Трефурта от 5/17 мая 1802 г.
- 2) Архив Мин. Земледелия, № 812/2146, рапорт конторы опекунства новороссийских иностранных поселенцев в экспедицию государственного хозяйства от 6 июня 1802 года.

особенное внимание на сих иностранцев, *Я желаю* сколько утвердить и усовершенствовать положение обитающих уже ныне внутри пределов России, столько же *сим способом привлечь большее еще число оных для заселения впусе лежащих земель*. А потому и предписываю вам не только продолжать, но паче и паче усугублять усердное старание ваше к большему процветанию состояния водворенных и находящихся под попечительством вашим менонитов, при том же благоразумным образом, без оглашения ни Моей воли, ниже сделанного вам от Меня препоручения, одним внушением собственной пользы побуждать их (к) склонению единоверцев и соотчичей их, в чужих краях остающихся, на переселение в России, уверяя их о своем благосостоянии и тем самым обнадежив их в приобретении здесь возможных выгод как по свойству земли, так и оказываемого всем водворяющимся пособия и защиты от правительства. Я надеюсь, что вы тщательным обращением внимания вашего на сей предмет и усердным попечением в исполнении возложенного на вас дела оправдаете доверенность, вам делаемую" 1).

Уведомить эльбингских меннонитов О соизволении государя на их переселение было поручено хортицкому окружному приказу. При этом сношения с ними решено было держать в полной тайне, с соблюдением всевозможных предосторожностей.

„Считаю нужным приметить“, писал Контениусу министр внутренних дел гр. Кочубей 2), „чтоб употребили вы всю возможную осторожность, дабы перепискою, как собственно вашею, так и старшин (русских меннонитов) с единоверцами их в Эльбинге, а особливо когда она будет производима по почте, не возбудит внимания прусского правительства и тем не затруднит между прочим и самого переселения“. Контениус отвечал министру: „я не перестану употреблять ту же предосторожность, с какою уже писал к проповеднику Варкентину в Эль-

- 1) Архив Мин. Земледелия, № 1934/2252, в секретном представлении экспедиции госуд. хоз. министру вн. дел Графу В. П. Кочубею от 7 окт. 1802 г.
- 2) Там же: письмо Кочубея к Контениусу от 10 окт. 1802 г.

бинг, которого просил, дабы он предмет нашей переписки открыл только людям, доверенность его заслуживающим и об оном не разгласил более, как необходимость требовать будет, ответ доставил бы он мне не под моим, но под адресом здешнего менонитского старшины. Когда впредь надобность потребует, чтобы я или здешние старшины писали в Пруссию, то письма, с надлежащею осмотрительностию писанные, не прямо к нашему корреспонденту, но каждый раз под кувертом иного благонадежного заграничного посредственника ему будут доставлены" 1)

Прежде чем приступить к самому переселению меннонитов в Россию нужно было предварительно решить три вопроса: 1) о землях для водворения; 2) об условиях, на каких должно совершиться переселение (вопрос о ссудах и кормовых и путевых деньгах) и 3) о маршруте и организации переезда от границ России до мест водворения.

В начале XIX-го столетия в Новороссийском крае была еще масса казенных никем не занятых земель: но лучшие земли, орошаемые протекающими чрез них реками и речками, или лежащие по берегам Черного и Азовского морей, почти все уже были розданы; остававшиеся еще в казенном владении земли большею частью представляли собой безводные степи. Русские помещики охотно брали у казны эти земли на определенных тогда для их раздачи условиях, и извлекали себе из них немалые выгоды. Экспедиция государственного хозяйства так описывала приемы эксплуатации этих земель помещиками:

„Получив несколько тысяч десятин земли и поселив при речке или источнике маленькую деревушку, упражняются более в скотоводстве, и от того всю прибыль получают; пашут же очень мало и то столько, сколько близость местного к воде положения позволяет.“

Селить на таких землях меннонитов, „которым определена не большая мера земли (65 десятин) на семейство“, и „которые привыкли более упражняться в земле-

1) Архив Мин. Землед., № 1934/2252, письмо Контениуса от 31 октября 1802 г. из Новороссийска (Екатеринослава).

делии", экспедиция госуд. хозяйства считала не целесообразным и не выгодным, как для них, так и для казны, тем более, что новые колонизаторы края должны были „представить собою образец лучшего хозяйства по своему трудолюбию и образу жизни". 1)

Отводимые меннонитам земли, по мнению подчиненного экспедиции местного органа — новороссийской конторы, должны были удовлетворять следующим условиям:

1-ое, "находиться в недалеком разстоянии от городов или портов сего (Новороссийского) края;

2-ое, иметь в своих пределах: здоровую речную воду, или примыкать к таковой, не бугристую, но ровную для хлебопашества добротную степь и сенокосные луга, или таковые низменности, которые бы могли их заменить;

3-ие, внутри своего степного пространства иметь водяные источники;

4-ое, если можно, быть не в весьма дальнем разстоянии от реки Днепра, дабы иметь удобность к тому месту доставлять лес, либо находиться вблизи лесных дач, что послужит сколько для выгоды самих иностранцев, столько и для ускорения их водворения и уменьшения издержек, при доставлении леса чрез великое разстояние „употребиться долженствующих", и, наконец,

5-ое, „когда к сим качествам земли" присоединится еще „на водах, к ней принадлежащих", произрастание камыша, „или будут иметься в степи кустарники, тогда такой участок бдеть со всеми выгодами, каковых токмо в степных местах желать можно" 2).

Эти требования в свое время, в письме к новороссийскому губернатору, Контениус резюмировал таким образом, что для успешности колонизации необходим отвод меннонитам „не таких земель, где бы промышленность была подавляема, но таких, где сама природа споспешествовала бы рачению, дабы колонистами при земледелии скотоводство, а наипаче овцеводство улучшено, также сады, винограды, лен, шелк

1) Архив Мин. Земледелия, № 812/2246, записка „об отобрании земли у капитана Вуковича для иностранных поселенцев" от 20 июня 1802 гола.

2) Рапорт новоросс. конторы в экспедицию госуд. хоз. от 30 апреля 1803 года (Архив Мин. Земледелия, № 812/2246).

разводимы, и другие промыслы удобно отправляемы быть могли".¹⁾ „Меннониты", вторила новороссийская контора своему главному судье, „известны везде, и даже в России, своим трудолюбием и искусством в домоводстве, потому и нужно иметь им такие места, где, не имея нужды бороться с натурою, могли бы они быть образцом во всех частях сельского хозяйства соседям своим".

Подходящие земли для водворения меннонитов предполагалось доставить путем отчуждения у помещиков, приобретение покупкой у частных лиц, или отыскания среди казенных пустопорожных. Чтобы не терять напрасно времени ко всем этим способам прибегли почти одновременно.

Еще 26 мая 1802 года экспедиция госуд. хозяйства предписала главному судье новороссийской конторы Контениусу снести с новороссийским гражданским губернатором „о принятии на замечание удобных к поселению казенных земель на случай скорого выхода . . . в Россию новых менонитов". Но так как выяснение годности этих земель могло потребовать значительного времени и длительной переписки с общей администрацией, то решено было, не теряя времени, остановиться сейчас же на помещичьих землях, как более известных.

В конце XVIII-го и начале XIX-го столетий право собственности на землю в Новоросийском крае не отличалось устойчивостью: казенные земли в большом количестве то отдавались тому или другому помещику или иностранному выходцу, то отбирались от него, то возвращались прежнему владельцу, то вторично у него отчуждались. Отчуждение земель мотивировалось неисполнением со стороны владельца условий о заселении их, не платежом поземельных денег, или, наконец, прямо соображениями государственной пользы.

Из таких часто менявших своего владельца земель экспедиция госуд. хозяйства обратила свое внимание прежде

1) Перевод письма от главного судьи новороссийской опекунской конторы колл. сов. Контениуса к товарищу управляющего экспедицию государственного хозяйства тайному советнику и кавалеру Габлицу от 20 июня 1802 года (Архив Мин. Земледелия, № 812/2246).

всего на землю иностранного выходца капитана Вуковича, лежавшую в тираспольском уезде в 20-ти верстах от Одессы между речкой Барабоем, оврагом Гапаркой, лиманом Дальницким и Черным морем. В 1792-м году, при раздаче приобретенных от Турции земель, правителем екатеринославской губернии Каховским этот участок был отдан названному Вуковичу (тогда поручику) с тем, чтобы он заселил его своими родственниками и другими иностранцами. Имеющие быть водворенными поселенцы освобождались от податей на 10 лет, а по истечении этого срока обязывались платить в казну по 5 копеек с десятины; обработанные ими земли, сады, луга должны были оставаться в вечном и потомственном их владении. Когда в течение 3-х лет Вукович ничего не сделал для заселения отведенной ему земли, в 1795 году она была отмежевана городу Овидиополю. В 1797 году, 14 апреля, по распоряжению екатеринославского военного губернатора Бердяева земля эта была передана греческому дивизиону, который немного спустя, по указу 20-го мая того же года, прекратил свое существование, и земля осталась без владельца. В следующем 1798-м году преемник Бердяева граф Каховский (носивший уже титул *новороссийского* военного губернатора) возбудил ходатайство пред императором Павлом о возвращении ее на прежних условиях первоначальному владельцу Вуковичу, который обещал вывести из-за границы до 80-ти семейств сродников и других иностранцев, при чем для этих последних испрашивался на первое время провиант и семена для посева.

Ходатайство Каховского было удовлетворено, и Вукович снова сделался владельцем огромной площади земли, и опять не выполнил своих обязательств. "Поныне" писала экспедиция гос. хоз. в своей записке от 20 мая 1802 года, „он не поселил еще никого, а по уверению многих никогда не будет в состоянии того сделать. На всем том пространстве теперь ничего нет, кроме хутора. Он не пашет, садов не разводит, а только косит сено на продажу. Оставить в таких ненадежных руках столь много земли, в которой в тамошнем крае нуждаются, предосудительно". Экспедиция предлагала генерал-прокурору

возбудить ходатайство пред имп. Александром об отобрании земли у Вуковича и о назначении ее под поселение если не меннонитов, то греков, „которые теперь начали выезжать из Турции". Генерал-прокурор с своей стороны предложил экспедиции собрать дополнительные сведения о земле Вуковича. По осмотру последней земским исправником оказалось, что никаких построек на ней, кроме двух землянок, нет: в одной из них жил племенник владельца Семен Вукович, а в другой, лежавшей на большой дороге от Овидиополя до Одессы, был устроен шинок; никакого хозяйства владелец не вел, а ежегодно отдавал землю в наймы посторонним людям для пастьбы скота и сенокосения; сверх того, не платя условленной пошлины по 10 копеек с десятины, он задолжал казне 1200 рублей, почему земля была описана и назначены опекуны для взыскания недоимки, но последняя до осени 1802 года не была еще пополнена. Почему экспедиция вторично, теперь уже пред министром внутренних дел графом Кочубеем, ходатайствовала об испрошении высочайшего повеления на отобрание земли у Вуковича и на выдачу ему „какого-либо приличного его состоянию награждения".

Озабочиваясь наделением землей имеющих прибыть меннонитов, имп. Александр в рескрипте николаевскому военному губернатору Беклешову от 28 марта 1803 года предлагал провести в виде общей меры отобрание земель у помещиков Новороссии, не исполнивших своих условий, при чем земли Вуковича должны были подвергнуться отчуждению в первую очередь.

„Поелику известно", говорилось в рескрипте, „что некоторые помещики в Новороссийских губерниях, получив земли с предположением населить их, донныне обязательства сего не исполнили, Я поручаю вам немедленно приступить к изысканию всех таковых земель, коих сроки населения миновали, а они остались ненаселенными, и, составив им краткое описание, когда и на каком основании были отданы, представлять Мне о каждой из таковых земель по мере того, как они по изысканию вашему открываться будут, дабы можно было, по рассмотрении сих сведений, приступить к отобранию их в казну на основании принятых и неисполненных владельцами их

условий. В сем положении может быть земля капитана Вуковича, близ Одессы лежащая, на которую из числа первых обратите вы внимание."

Еще ранее намечались для переселения хортицких меннонитов другие помещичьи земли, подлежавшие отчуждению, как незаселенные их владельцами в назначенный срок, или уже отобранные в казну „за неплатеж поземельных денег".

Среди массы „неудобных" такого рода земель были „найденные только лучшими" следующие дачи: в бахмутском уезде Корсуновка (6500 десятин удобной и неудобной земли), принадлежавшая генерал-лейтенанту Львову, в елизаветградском — дача генерал-майора Толстова, в ольвиопольском — статского советника Бакунина и в мариупольском — прапорщика Чуты, а всего 26450 десятин. Но так как „лучшие участки Корсуновки и от Толстова отобранных земель" находились „еще в споре", будучи захвачены соседними помещиками Опошнянским (до 800 дес.) и Богаевским (4800 дес.), и Контениус полагал что земли для поселения меннонитов лучше приобрести покупкою от помещиков: тогда будет больше свободы в выборе подходящих мест.

Но высочайшему указу 24 июля 1802 года опыт такой покупки и был сделан для хортицких меннонитов, переселившихся в Россию при Екатерине II и теперь почувствовавших земельную тесноту: для них была куплена у тайного советника Миклашевского смежная дача, известная под именем Нижней Хортицы, куда и переведено было 65 меннонитских семей.

„Не лучше ли будет", писал перед этой покупкой Контениус Габлицу (товарищ управляющего экспедицией госуд. хозяйства), „ежели бы казна под поселение менонистов *купила хорошие земли*, как например княгини Вяземской, или, как говорят, ныне кол. ассесору Штиглицу принадлежащее поместье Грушевку, лежащую на Днепре, где много воды, рыбных ловель, лесу и плавней находится довольно, и где более 1000 менонистских семейств могут выгодным образом поселиться и отправлять все промыслы, свойственные сему климату". Положим, развивал свою мысль Контениус, что „покупка сей земли (без живущих

на ней крестьян, которых помещик или перевести на другую землю, или продать должен потребует знатной суммы", но этот расход все же будет более производительным, чем, по затрате на каждые 763 семьи меннонитов, согласно условиям, миллиона или пятисот тысяч рублей, водворение их на „негодной или худой" казенной земле, где по „причине ее неспособности, кроме скотоводства, посева ржи и проса, никакого другого промысла предпринять не можно, так что за недостатком плавней, вод и других выгод колонисты принуждены будут находиться в бездействии и придут навсегда в несостояние заняться каким нибудь полезным и здешнему (климату) соответственным сельским промыслом, а еще тем менее употребленные на них миллион или 500 тысяч денег в казну возвратить" 1).

Экспедиция государственного хозяйства и на этот раз, готовясь уже принять переселенцев из за границы, охотно пошла на встречу предложению Контениуса, и указом 13 апреля 1808-го года предписала новороссийской конторе, „чтобы она тотчас приступила к сношению с г. военным (николаевским) губернатором о покупке для переселяющихся менонитов земли". При этом контора обязана была объяснить губернатору, сколько именно требуется для них земли „и какия, по мнению ее, должна она иметь выгоды и положение"; если же контора сама „имеет в виду какой-либо способный для сего участок", предписывала экспедиция, „то немедленно иметь ему (военному губернатору) представить для соображения". Но с другой стороны экспедиция признавала необходимым, чтобы военный и гражданские губернаторы в свою очередь, „если отыщут к покупке способную для поселения иностранных землю, предварительно уведомили контору с описанием положения оной и условий, дабы она потому могла по местному соображению дать свое мнение, способна ли та земля для такого предположения, или нет" 2).

- 1) Архив Мин. Землед., № 812/2246: перевод письма Контениуса к Габлицу от 20 июня 1802 г.
- 2) Там же: рапорт конторы новороссийских иностранных поселенцев от 30 апреля 1803 г.

В конце концов пришлось остановиться на отводе под водворение меннонитов казенных земель.хлопоты по отысканию порожних и удобных казенных земель начались непосредственно по получении известий о грядущем переселении меннонитов в Россию и шли параллельно с попытками отчуждения и покупки помещичьих земель. Тогда же по предписанию экспедиции государственного хозяйства главный судья новороссийской конторы Контениус входил с представлением к екатеринославскому гражданскому губернатору М. П. Миклашевскому об отводе под поселение меннонитов свободных казенных земель, указав при этом и те условия, которым должны были удовлетворять эти последние.

В ответ на представление Контениуса губернатор указал на два района, как удобные для водворения иностранных выходцев вообще и меннонитов в частности: 1) во первых, "участки пустопорожние в херсонском и ольвиопольском уездах по ракам Бугу, Висунк, Доброй, Гнилом Еланце, Громоклее и другим, составляющие не малое количество десятин, из которых сверх того, что многие найдутся удобны к хлебопашеству и сенокошению имеют при том положение свое между городами Николаевом, Херсоном и Вериславом и 2) во вторых, „казенные пустопорожкия дачи в мариупольском уезде по речкам Берде, Молочной и другим, в коих числится одной удобной земли двести семьдесят семь тысяч пятьсот десятин".

В то же время губернатор донес императору Александру, что он признает удобным для поселения иностранцев именно второй район - земли по рекам Берде, Молочной и другим.

Результатом этого донесения был высочайший указ 24 июля 1802 года, данный экспедиции государственного хозяйства. Указом повелевалось „отравить от опекунской конторы члена для осмотра означенных земель", и когда найдутся способными к поселению, тогда *представить об отдаче части оной округи*, впускать лежащей, сколько по рассмотрению конторы *для нынешняго и могущаго впредь случиться поселения* за нужное признается, *в распоряжение конторы*". Для „удобнейшаго" же приведения этой меры

в исполнение „высочайше предписано" было „новороссийскому военному губернатору генералу от кавалерии Михельсону отрядить с членом опекунской конторы одного из землемеров, в ведомстве губернского начальства состоящих".

В исполнение названного выше указа экспедиция государственного хозяйства 28-го июля того же года предписала конторе отправить товарища главного судьи коллежского ассесора Писемского для осмотра земель по рекам Верде, Молочной и другим, и на основании такого осмотра представить обстоятельные сведения о степени пригодности этих земель, назначив из числа их „возможное количество в свое распоряжение".

Отправив Писемского для осмотра указанных земель по рекам Верде, Молочной и другим, контора одновременно командировала другого своего члена (также в звании товарища главного судьи) Бригонци для осмотра пустых казенных земель в херсонском, елисаветградском и ольвиопольском уездах.

По осмотре всех порученных им обозрению земель оба товарища главного судьи представили им описание, а Писемский сверх того и план, „отряженным с ним землемером учиненный".

Из осмотренных ими участков земли [Бригонци признал имеющим „некоторые удобства к поселению" только один в 12000 десятин, расположенный в херсонском уезде и известный под именем Куракинского; относительно же других, указанных гражданским губернатором участков он отозвался в том смысле, что они „хотя также имеют свои достоинства, но, находясь в различных местах и не в близком между собою расстоянии, не могут составить той удобства, которая бы нужна была, дабы обеспечить поселенцев, что труды их и старание не будут тщетны: можно селиться на них в крайней нужде

Людам . . . которые должны заниматься хлебопашеством, приняв положенное для себя количество земли, и от того и пропитание свое иметь, таковые земли невыгодны".

Напротив, для другого рода переселенцев они могут быть вполне подходящими и полезными, в особенности

же для помещиков, которые, поселив небольшое число крестьянских семей в одном удобном месте, „все прочее пространство земли употребляют для пастбы не только своего, но и чужого по найму окота”,

С своей стороны Писемский по рекам Берде, Молочной и другим нашел достаточное количество удобной для колонизации земли, не везде однако представлявшей одинаковые выгоды: „во многих местах степь” оказалась „без воды”. Два участка по реке Молочной в количестве 120.000 десятин „признал он лучшими и выгоднейшими”, но эти участки были уже заняты кочующими ногайцами, коим отвело их губернское правление „взамен тех земель, кои отошли от них во владение графа Денисова”.

Чтобы сделать возможным водворение здесь меннонитов, Писемский считал нужным принять следующие меры: 1) перевести ногайцев на другое место к их сородичам, кочующим в том же уезде;

2) „поправить” дачу поручика Варламова, проданную секретарше Гранобарской и, наконец,

3) снести „хутора, токмацкими поселянами по течению с левой стороны речки Токмака построенные”, и ветряные мельницы.

Получив сообщение Бригонци и Писемского и „учинив соображение по обоим сим препоручениям”, новороссийская контора вопрос о выборе места представила „на благоразсмотрение экспедиции государственного хозяйства”: препроводив в нее описание осмотренных земель и составленный Писемским план. На основании этих данных экспедиция остановилась на указанном Писемским участке при реке Молочной и определила „отнестись к таврическому губернатору, не можно ли ногайцам отвести потребное количество земли из других по близости пустопорозжих участков, кои для кочевья могут быть удобны”.

Однако экспедицию госуд. хозяйства мучило сомнение, удастся-ли меннонитам благополучно устроиться на этих землях и наладить добрые отношения к своим ближайшим соседям—ногайцам и русским крестьянам, так как интересы тех и других задевались водворением иностранных выходцев.

„Естьли бы однакож положить", писала экспедиция, „что ногайцы не могут быть переведены, то поселение там менонистов, как бы места выгодны ни были, сопряжено с великою неудобностию для последних. Кочующий народ по привычке своей к краже скота никогда им, людям новым, обычаев тамошнего края не знающим и никаких способов к предостережению себя не имеющим, не даст им покою при самом строжайшем подтверждении о сохранении и доброго порядка. *Самые российские крестьяне, по соседству тех мест водворенные, были большею частью выходцы из заграничных и разных российских мест, и не имея правил честным и добрым людям свойственных, подвергнуть их всегдашней опасности потерять свою собственность.* Экспедиция не может быть надежна, чтобы менонисты, прибыть имеющие, могли иметь в сей стороне верное спокойствие, да и опекунская контора не в состоянии будет всегда в полной мере доставлять им защиты".

Хотя экспедиция и высказывала опасения на счет пригодности указанных мест, но ответственность за выбор их в конце концов должна была пасть не на нее.

Еще при самом возбуждении дела о переселении меннонитов, генерал-прокурор Беклешов 9 мая 1802 года предложил экспедиции склонить хортицких меннонитов к избранию из своей среды двух или трех лиц, которые явились бы в роли поверенных от лица переселяющихся заграничных меннонитов, как бы они на самом деле были уполномочены этими последними, и взяли на себя ответственность за выбор для них мест под водворение. Эту меру генерал-прокурор, руководясь прежним опытом, считал необходимой в тех видах, „чтобы по прибытии новых к поселению менонистов не произошли между ними неудовольствие и ропот в разсуждении невыгодности земли, для водворения их от начальства назначаемой".¹⁾

В том же году назначенные земли по р. Молочной действительно были осмотрены „от лица эльбингских и мариенбургских менонистов" хортицкими доверенными, а летом следующего 1803 года и нарочно присланными

1) Архив Мин. Земледелия, № 812/2246.

из Пруссии депутатами в числе пяти человек. И те и другие уполномоченные нашли осмотренные ими земли в мариупольском уезде „для поселения менонитов способными“, а заграничные депутаты возвратились домой в полной уверенности, что эти земли непременно и будут им отведены. Но в высших правительственных кругах долго колебались в выборе места для водворения менонитов, и еще 28 июня 1803 года в высочайшем рескрипте на имя херсонского военного губернатора Беклешова 2-го предписывалось, согласно мнению последнего, "землю, для водворения эльбингских менонитов нужную, назначить в херсонской губернии из участков ... по речке Висуне лежащих, избрав удобнейшие из них по усмотрению опекунской конторы"; земли же у Молочных Вод Беклешов предполагал отвести во владение „депутатам от славян, населяющих Черную Гору и область Герцоговинскую, сердарю Мине Никшичу и обер-воеводе Тиоти. Конторе новороссийских иностранных поселенцев пришлось отстаивать пред экспедицией государственного хозяйства права менонитов на земли, облюбованные их депутатами, указывая на недопустимость обмануть их ожидания. В конце концов земли эти и были избраны местом водворения для прибывающих из Пруссии менонитов. 1)

2. Вопрос об условиях, на каких должно было состояться новое переселение менонитов в Россию, был подвергнут также довольно продолжительному предварительному обсуждению и составил предмет новых переговоров с их уполномоченными.

Возбуждая ходатайство о разрешении им переселиться в Россию, менониты спрашивали, распространяется ли на них действие ранее пожалованных их единоверцам привилегий, „и будет ли отпущена просимая ими на водворение в ссуду сумма по примеру учиненной прежде прибывшим ссуды"? Здесь в сущности в форме вопроса они скромно выражали пожелание, чтобы их приняли в Россию

1) Архив Мин. Земледелия № 193/2252. рапорт конторы в экспедицию госуд. хоз. от 3 сентября 1803 г.

на основании одобренных некогда Потемкиным и утвержденных Екатериною II правил. 1)

Выработанная новороссийской конторой согласно этим пожеланиям примерная смета показала, что переселение каждой меннонитской семьи, исчисляемой в 4 души, обойдется казне в 1309 рублей 20 копеек, а именно:

„на хозяйственное обзаведение.....	500 руб.
„на дом 120 бревен 4-хъ саженных, полагая примерно с поставкою по 3 руб. каждое.....	360 руб.
„каждому семейству, желающему выйти в Россию, к дороге и на содержание в оной на каждую душу по 20 руб., а на 4 души.....	80 руб.
„путевых, кормовых, полагая примерно на 3 Совершеннолетних душ по 25 коп., а 1 малолетнюю но 12 коп. на 60 дней.....	52 руб. 20 коп.
„по прибыли их на место водворения кормовых до первой жатвы на каждую душу по 10 коп в сутки, — но как случилось с прежде прибывшими и водворенными в новороссийской губ. колониями, что они водворить себя в скором времени не могли, то полагая примерно на два года, т. е. на 730 (дней)	292 руб.
„на разные озимого и ярового хлеба семена, полагая примерно одному семейству.....	25 руб.
Итого	1309 руб. 20 коп.

Сверх этого расход на постройку мельниц для всей массы переселяющихся меннонитов должен был составить сумму в 2000 рублей.

Генерал-прокурор Александр Беклешов нашел однако утвержденные Екатериной правила относительно переселения и водворения меннонитов уже не соответствующими настоящим условиям колонизируемого новороссийского края; они „утверждены были . . . императрицей сколько

1) См. Гр. Писаревский. "Из истории иностр. колонизации в России в XVIII в" 299-304 стр.

в уважение совершенной пустоты того края, когда переселялись, столько же и дабы сим первым примером возбудить других к последованию; ныне же тот край гораздо более противу прежнего населен, там находится не малое число их соотчичей, о благосостояние коих заграничные удостоверены, не взирая даже на то, что означенные менонисты получили обещанную им ссуду вовсе не по поставленным правилам, а самыми малыми частицами, послужившими токмо к скудному их прокормлению, а не к прочному обзаведению хозяйством; сверх того самые те единовержцы их могут и конечно по правилам их нравственности будут им вспомоществовать в нуждах их." В виду указанных обстоятельств генерал-прокурор 9-го июля 1802 г. предложил экспедиции госуд. хозяйства „приступить" с поверенными из числа хортицких менонитов „к постановлению буде можно умереннейших и для казны выгоднейших условий, поручив решение вопроса о размерах ссуды, как и все дело переселения, ближайшему ведению главного судьи новороссийской конторы Контениуса.

Последний и сам понимал всю чрезмерность для казны трат на переселение менонитов, если держаться при этом правил, утвержденных при Екатерине II Поэтому при получении первых же известий о желании прусских менонитов выселиться в Россию он выразил сомнение в том, „чтоб казна решилась на принятие большого числа" их, „на условиях, с толь великими издержками соединенных". Хортицкий форштегерь отвечал, что „в разсуждении неблагоприятных обстоятельств, в коих прусские менонисты ныне находятся, вознамерившиеся вытти в Россию довольны будут половиною помянутой суммы, или еще и меньшим количеством, есть ли только найдется под поселение их несколько сот тысяч десятин земли, имеющей довольно низменностей и воды; в таком случае, полагал он, что выдуть в Россию многие семейства с собственными капиталами, не требуя никакого вспомоществования". Высказанное им мнение форштегерь просил сохранить в тайне, „дабы не возбудить против себя негодования собратий своих". По этой причине, а равно „для сохранения" собственной „доверенности ... у менонистов", Контениус в

свое время не сообщил об этом в донесении экспедиции госуд. хозяйства, а поставил ее в известность о том частным письмом от 20-го июня 1802 г. на имя тайного советника Габлица 1). Получив же предписание экспедиции относительно установления „умереннейших и для казны выгоднейших условий" переселения, Контениус старался войти по этому вопросу в соглашение с упоминавшимися выше выборными из числа хортицких меннонитов. В подтверждение необходимости понизить предъявляемые переселяющимися меннонитами требования к правительству, Контениус ссылался на пример прибывающих из Румелии греков и болгар, расход на водворение коих составляет менее 300 рублей на семейство, указывал на возможность, если меннониты умерят свои притязания, сократить расход на каждое их семейство более, чем до одной четвертой части 1309 рублей (стоимость каждой меннонитской семьи прежних выходов), "в уважение как собственного их самих при возврате оной, так и для казны облегчения". В конце концов Контениус убедил выборных, что „имеющих прибыть (меннонитов) нужно разделить на три сорта, и назначить: в 1-м вовсе неимущих, во 2-мь средних, требующих от казны ссуды меньше первых, и в 3-м достаточных, не требующих ничего, кроме одной земли". Представленная выборными „самая умереннейшая" смета определила расход на водворение одного бедного семейства (из первого разряда) в 560 рублей, притом однако условии, что поселение меннонитов будет произведено по берегам Днепра, „потому что посредством сплава леса водою каждое бревно обойдется на месте не дороже 3 рублей, а в случае же разстояния от Днепра до 200 и более верст потребуется от 2-х до 3-х сот рублей больше против показанной суммы, ибо тогда уже каждое бревно будет стоить от 6-ти до 7-ми рублей, а сверх того и все земледельческие и хозяйственные потребности в степных местах стоят дороже вдвое и более". При этом выборные заметили, что они не ручаются, „чтобы все желающие переселится могли согласиться на такую умеренную сумму".

1) Товарищ управляющего экспедицией госуд. хозяйства.

Контениус с своей стороны, приняв во внимание дороговизну леса, предложил выборным, чтобы они советовали „своим соотчичам строить дома из камня, а где оно не, то *по малороссийскому образцу мананковья хаты*"¹⁾).

На той точке зрения что необходимо сообразоваться с местными условиями и указаниями опыта, а не брать во всем за образец способы водворения предшествующих, меннонитов, стояла и экспедиция государственного хозяйства. В своем представлении министру внутренних дел графу В. П. Кочубею она по этому поводу писала:

„Вообще в водворении и снабдении их всем по хозяйству экспедиция не находит никакой нужды держаться в точности тех условий, какие заключены с первыми менонистами.

Ссуда, им сделанная, чрезвычайно велика и только к отягощению их послужила Она простиралась на каждое семейство до 1309 рублей. Из данных им 120 бревен выстроили они очень огромные дома, починка которых современем, когда придут в ветхость, в безлесном крае потребует весьма великих для них издержек и сопряжена будет с чрезвычайными затруднениями.

Вновь выходящие менонисты могут обстроить себя гораздо в меньшем виде, *применяясь к обычаям тех мест, где водворены будут*, что не меньше выгодно и удобно при соблюдении и хорошего порядка и чистоты"²⁾).

Экспедиция надеялась также на то, что меннониты приведут с собою из Пруссии достаточно скота, а потому ссуды на обзаведете им „или вовсе не понадобится, или потребуется очень в малом количестве.

Относительно необходимости и возможности уменьшить расходы казны на ссуду и путевые издержки меннонитов, Контениус писал в Пруссию к их старшине -проповеднику — Варкентину, и этот последний согласился с тем,

- 1) Архив Мин. Земледелия. № 1934/2252: представление экспедиции госуд. хоз. министру вн. дел от 7 окт. 1802 г.
- 2) Там же: представление экспедиции от 3 апреля 1803 года. Приведенная выше выдержка из представления буквально повторяется в указе экспедиции на имя конторы опеки новорос. ин. поселенцев от 13 апреля того же года. (Арх. Мин. Землед., № 812/2246).

что меннониты и „меньшею суммою (сравнительно с предшествующими выселенцами) могут быть довольны, тем паче, что ближайшим трактом путь стами милями сократится" 1).

Всем прибывшим к русской границе менонитским семействам, с момента прибытия и до окончания путешествия к местам водворения, экспедиция считала необходимым производить *кормовые деньги каждой душе мужского и женского пола свыше 15-ти лет от рода по 25 копеек, а ниже 15-ти лет по 12 копеек в день*, как это было установлено при Екатерине II. Производство же *кормовых денег на месте водворения* до получения первой жатвы экспедиция предоставляла усмотрению местной конторы, „предполагая, что на первой случай конечно нужно будет *выдавать им по 10 копеек*, если кто будет того требовать, т. е. следовать также норме, установленной при Екатерине"; „но по времени, когда контора доставит им средства к пропитанию собственными их работами, как то: пряжею и тканьем, оное количество можно будет и уменьшить".

По заключенным при Екатерине II условиям казна должна была всем достигшим границ России меннонитам „дать достаточное число подвод и лошадей" для продолжения путешествия до мест водворения. Теперь же экспедиция выражала надежду, что „сии люди достаточно будут иметь своих собственных лошадей и подвод, на которых, как думать должно, и до границы прибудут"; расход же „на фураж лошадям и на разныя непредвидимыя надобности в дороге, на что потребно не более 50-ти рублей на семейство, она полагала принять на счет казны.

Не имеющих же собственных подвод и лошадей меннонитов экспедиция проектировала отправлять „на обывательских, по плакату", лишая их в этом случае вы дачи упомянутых выше 50 рублей на „путевые издержки"; но министр внутренних дел признал эту меру, „яко заключающую в себе налог на обывателей", не законной,

1) Архив Мин. Землед., № 1934/2252: копия письма от менонитов старшины и проповедника Корнелиуса Варкентина от 8/20 октября 1802 года из Розенорта близ Эльбинга.

и полагал, что „таковые неимущие колонисты должны быть препровождаемы на подводах вольнонаемных, что и не может вероятно составить знатной издержки, особливо естли губернаторы приложат попечение сделать наем сей коль можно умереннее и давать подводы только для свозу пожитков (и для необходимой помощи в пути малолетним" 1).

Теперь правительство считало нужным внушать и самим меннонитам развитую Контениусом в письме к Варкентину мысль о том, что „чем меньше будут иметь они на себе долгу, тем будут покойнее и скорее могут притти в хорошее состояние".

3. Согласившиеся на вышеозначенныя "умереннейшия" условия меннониты должны были направляться из Пруссии в Гродно. Высшее наблюдение за их приемом и снаряжением в дальнейший путь в пределах России рескриптом императора Александра от 28 марта 1803 года возложено было на литовского военного губернатора барона Бенигсена. Тем же рескриптом ему поручалось:

а) предписать гродненскому гражданскому губернатору, „чтобы колонисты сии приняты были на границе с знаками попечения о них и доброжелательства";

б) с своей стороны „отрядить особенного чиновника, одного или более, для препровождения их в Новороссийский край, снабдив его как наставлением о нужном руководстве и покровительстве их в пути, так и препоручениями... к тем начальникам, чрез губернии коих проходить они будут, чтоб доставляемы были им в пути в необходимых случаях удобства и благопризрение";

в) в случае нахождения среди прибывших меннонитов семейств, не могущих продолжать пути „без денежной помощи", выдать таковым „нужное денежное пособие", „поручив их особо отряжаемому... чиновнику"; необходимые же средства „на сей конец" должны быть доставлены экспедицией государственного хозяйства 2).

При ближайших справках однако оказалось, что экспедиция государственного хозяйства „имеет теперь одну только

1) Там же.

2) Архив Мин. Землед., № 812/2246.

штатную сумму на обыкновенные по ведомству ее издержки употребляемую". Ранее на водворение иностранцев она тратила специальные суммы, имевшиеся в ее распоряжение, а именно — *вексельную*, „которую получала она за печатание вексельных листов", и так называемую *колонистскую*, „которую собирала она с колонистов в уплату состоящего на них казенного долга". По учреждении министерств первая из этих сумм, „вместе с вексельною частию, отошла в ВЕДОМСТВО министерства финансов, а вторая, по соглашению министров внутренних дел и финансов, стала „по мере вступления ее" отсылаться „всякий раз к общим государственным доходам". Поэтому на все экстраординарные издержки по экспедиции приходилось испрашивать каждый раз высочайшее повеление. По докладу министра внутренних дел от 10 апреля 1803 года и по „примерному изчислению" экспедиция высочайше повелено было отпустить из государственного казначейства в распоряжение литовского военного губернатора пятнадцать тысяч (15000) рублей на расходы по переселению меннонитов 1). Из этой суммы меннониты должны были получать в Гродно кормовые деньги вперед за сорок дней, а если бы пробыли в пути доле того, то соответствующую добавочную сумму имела выдать им новороссийская контора по прибытии на места.

Экспедиция государственного хозяйства признала необходимым в деле отправки меннонитов из Гродно установить такой порядок, чтобы местный губернатор отправлял их небольшими партиями в 10 и не более, как в 15 семейств каждая, „ибо для большего числа непременно везде встретится трудность доставать с выгодой по дороге фураж и иметь квартиры". Но в таком случае „назначенный высочайшим к генералу барону Бенигсену указом чиновник" не мог уже „с надлежащею точностью исполнять могущей предлежать ему обязанности", почему экспедиция признавала наиболее подходящим „препровождать" меннонитов „от города до города за надлежащим покровительством нескольких людей из штатных команд при открытом ордере всем начальникам о доставлении им всякой удобности и благопризрения".

1) Архив Мин. Землед., № 812/2246.

При этом экспедиция вменяла в обязанность гродненскому губернатору: 1) извещать заблаговременно губернаторов тех губерний, чрез которые будут проезжать меннониты, дабы они могли с своей стороны сделать надлежащие предписания местным властям об оказании переселенцам „доброжелательства и покровительства“; 2) отсылать в Новороссийскую контору почтою тотчас же по оправлении каждой партии меннонитов „список всем людям, в оной находящимся, с означением их лет и с показанием, с которого времени начаты кому производиться кормовые деньги, и что кому выдано, дабы контора могла отмечать то в заводимых бухгалтерских книгах“ 1).

Наконец, новороссийской конторе, на случай если меннониты придут в Екатеринослав „прежде, нежели определена будет для водворения их земля“, экспедиция разрешила "разместить их на квартирах между их собратьями" 2). Так русское правительство готовилось к приему иноземных гостей в течение почти целого года.

Посмотрим теперь, что делалось за это время в Пруссии, как налаживалось там выселение меннонитов.

Два обстоятельства задерживали немедленное выселение меннонитов из Пруссии: во первых, русское правительство, не будучи готово к их приему, само предложили им не спешить с выселением, отложив его до следующего 1803 года, во вторых, меннонитам так или иначе следовало выяснить свои отношения к прусской государственной власти: или добиться от нее смягчения королевской декларации от 17 декабря 1801 года или получить разрешение на выселение в Россию. Прусское правительство с своей стороны предлагало им третий выход: поселиться "в полуденной Пруссии" в окрестностях Калиша и Гнезно — на Необработанных еще землях под условием освобождения от всех податей на пять лет и от поставки рекрут впредь до нового указа.

-
- 1) Эта сведения губернатор равным образом обязан был сообщать и экспедиции.
 - 2) Архив Мин. Землед., № 2246, указ экспедиции новорос. конторе от 13 апр. 1803 г.; журнал экспедиции от 3 апр. 1803 г: № 1934/2252. представление экспедиции министру вн. д. гр. Кочубею.

Пруссия извлекла из меннонитов на местах их поселения все, что можно было извлечь полезного для культуры страны, а теперь не прочь была воспользоваться их силами для обработки невозделанных болотистых пространств на присоединенных от Польши землях, не налагая однако на себя связующих обязательств: свобода от рекрутчины предлагалась только впредь до нового королевского повеления; о смягчении же декларации 17 декабря 1801 года прусское правительство не хотело и слышать: оно скорее готово было „с сожалением согласиться" на выселение меннонитов, чем пойти на эту уступку, полагая, что все равно непримиримые элементы среди меннонитов неудовлетворятся никакими уступками, а большинство мало по малу освоится с новым положением и в конце концов согласится отбывать воинскую повинность. При таких условиях непримиримым меннонитам оставался один выход: выселение в Россию. „Меннониты", доносил Трефурт канцлеру от 17/29 июня 1803 г., „предпочитая большею частью места южных губерний России очень болотистому грунту окрестностей Калиша, остаются при решении выйти в Россию, не смотря на эту явную милость, которую им только что предложили, без отмены однако указа".

Для выселения из Пруссии меннонитам нужно было получить разрешение местной государственной власти вместе с соответствующими паспортами; само русское правительство такое разрешение считало *conditio sine qua non* принятия меннонитов в свое подданство, о чем и велено было Трефурту поставить последних в известность предписанием от 7/21 марта 1803 г. „Я без промедления", доносил Трефурт канцлеру от 9/21 апреля того же года, „сообщил меннонитам, намеревающимся водвориться в России, высочайшее решение его величества императора, который дарует им все милостивейше свободный вход в свои пределы, *под условием, что они сами позаботятся о дозволении прусского правительства на их выселение*".

Вообще в деле выселения меннонитов из Пруссии русская власть принимала все меры предосторожности, чтобы ее как-нибудь не заподозрили в сманивании чужих подданных. Переселение меннонитов старались представить делом местной администрации Новороссийского края, а не

центрального правительства; Трефурт боялся сноситься касательно меннонитов с гродненским губернатором, дабы, благодаря перлюстрации на прусской почте, не обнаружилось его участие в этом деле. Но вся эта щепетильность первое время была совершенно излишней. Пруссия нисколько не была в претензии от предстоящего выселения наиболее непримиримой части меннонитов, и отнюдь не думала их насильно у себя задерживать, —она еще не предвидела тех размеров, которые готово было потом принять их выселение. На место готовых выселиться меннонитов у нее имелся запас других поселенцев, более подходивших к условиям прусской государственности — колонистов из других областей Германии, в особенности с левого берега Рейна и из Виртемберга.

„Тысячи немецких колонистов“, доносил Трефурт канцлеру, „с левого берега Рейна и главным образом из Виртембергской области прибывают в Пруссию и отправляются на поселение в Прусскую Силезию для разведения виноградников (*pour y cultiver les vignobles* 1). Их набивал специально проживавший с этою целью в империи прусский финансовый советник. Несколько сот семей из его набора водворились между прочим и в Западной Пруссии, в разстоянии нескольких миль от Данцига“.

Колонисты получали земли для возделывания и дома, построенные иждивением казны; издержки путешествия возмещались им в размере двух добрых грошей (*a raison de deux bons gros*) за немецкую милю. За то *дети* этих переселенцев, *родившиеся на прусской территории*, подлежали рекрутской повинности, наравне с прочими подданными короля 2)

Трефурт ясно сознавал связь занятой прусским правительством позиции в вопросе о меннонитах с усиленным притоком эмигрантов из других областей Германии.

„Депутация менонистов“, писал он в донесении от 4/12 сентября 1803 года, „недавно отправилась в Берлин для испрошения снова уничтожения королевского указа,

- 1) Архив Мин. Землед., № 812Я2246, донесение Трефурта от 17/20 июня 1803 г.
- 2) Моск. Главн. Арх. Мим. Ин. Дел, донесение Трефурта канцлеру от 13/25 июня 1803 г.

столь для их общества пагубного, но неизвестно, согласится ли Берлинский двор удовлетворить их просьбу, видя, что их выход достаточно заменяется большим числом колонистов, вышедших в Пруссию из южной Германии" 1).

И так для нежелавших примириться с новыми порядками меннонитов пока оставался один выход — переселение в Россию. Но не все из них решались пуститься в дальний путь — „в полуденные губернии" России: некоторые не прочь были поселиться поближе к прусской границе, а именно в литовских губерниях. Но колонизация Литвы меннонитами не входила в планы русского правительства; поэтому под предлогом, что в Литве нет удобных для их водворения казенных земель, решено было отклонить меннонитов от этого намерения, объявив, что все, на что они могут там рассчитывать, — это водворение на частных помещичьих землях на основании особых договорных условий, заключенных с их владельцами Трефурту в этом смысле дано было соответствующее предписание, и ему удалось добиться того, что все готовившиеся к выселению из Пруссии меннониты выразили свое согласие на водворение в Новороссии 2).

Чтобы ослабить овладевшую частью меннонитов горячку выселения, прусское правительство обставило получение увольнительных паспортов довольно тяжелыми условиями: меннониты должны были отдать в казну десятую часть их движимого и недвижимого имущества (*la dime de leur bien meuble et immeuble*), а при продаже земли в сущности потерять половину своего состояния. „Участь их (меннонитов) довольно уже здесь плачевна", писал Трефурт гродненскому губернатору Ланскому, „потерю половины их имущества при продаже их земли и отдачею в канну десятой части их движимого и недвижимого имущества" 3).

-
- 1) Архив Мин. Землед., № 1934/2252, перевод донесения генерального консула Трефурт к государственному канцлеру из Данцига от 7/19 сентября 1803 г.
 - 2) Архив Мин. Землед., № 2252, отношение графа Кочубея к канцлеру графу Л. Р. Воронцову от 10 марта 1803 г.; донесение Трефурта канцлеру от 9/21 апр. 1803 г.
 - 3) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., копия с письма консула Трефурта к литовско-гродненскому гражданскому губернатору Ланскому от 4/16 июля 1803 г.

Но эти меры не останавливали меннонитов в их намерении выселиться из Пруссии, чему не мало способствовал своими проповедями их пастор из окрестностей Эльбинга Варкентин, по отзыву Трефурта „заслуживающий всякого уважения и имеющий большое доверие у прихожан своих". Он стоял во главе депутации, отправившейся в Берлин хлопотать об отмене ограничительного указа (декларации), и в то же время находился в переписке с Контениусом и постоянных сношениях с Трефуртом, которому обещал „присоединиться к своим соотечественникам в России". Намереваясь и впредь пользоваться влиянием Варкентина в деле выселения меннонитов в Россию, Трефурт рекомендовал его „в милость и покровительство" императора Александра и ходатайствовал о награждении золотой медалью, выбитой в память коронации государя.

Готовившиеся к переселению меннониты заблаговременно начали ликвидировать свои имущественные отношения, но только летом 1803 года прусское правительство стало выдавать им увольнительные паспорта; с этого же времени началось и движение меннонитских транспортов в пределы России, о чем узнаем из донесений Трефурта канцлеру:

„Доныне писал Трефурт канцлеру, „несколько только человек получили себе от здешняго правительства на пропуск за границу паспорта, кои и отправились уже в Россию, между тем как большая часть оных ожидают еще таковых пашпортов" (Донесение от 17/29 июня 1).

„Меннониты, вознамерившиеся водвориться в южных областях России, получили в настоящее время по приказанию короля требуемые паспорта, так что девяносто одно (91) семейство из окрестностей Эльбинга и Мариенбурга только что направились уже к русской границе"... (Донесение от 13/25 июля 2).

„Поелику менонисты получили уже от прусского правительства позволение поселиться в России, то я спешу

- 1) Архив Мин. Землед., № 812/2246, перевод с донесения Трефурта от 17/22 июня 1803 г.
- 2) Московск. Главн. Арх. Мин. Ин. дел, II, 1, о поселении в России прусских менонистов, донесение Трефурта от 13/25 июля 1803 г.

известить ваше Сиятельство, что 148 семейств из них и отправились уже в дорогу и именно в Гродно, заплатя здесь десятую часть движимого и недвижимого их имения". (Донесение от 27 июля/8 августа 1)

Отношением от 10 ноября 1803 года граф Кочубей извещал графа Н. П. Румянцева, что в Россию выехало уже чрез Гродно 162 семейства меннонитов 2).

Эмиграция меннонитов, принявшая неожиданные для прусского правительства размеры, заставила наконец последнее пойти на уступку: декларация 1801 года касательно их (*La Déclaration de 1801 a leur égard*) была смягчена (*mitigée*), и „король всемилостивейшее избавил меннонитов от обязанности доставлять рекрут" (*le Roi ait très gracieusement dispensé les ménonites des obligations de fournir des recrues*); таким образом хлопоты меннонитской депутации до известной степени увенчались успехом, и проповедник Варкентин, возвратившись из Берлина, „переменил свое мнение" и начал „проповедывать против эмиграции".

Против желающих выселиться, по приказанию из Берлина, были приняты и другие меры воздействия.

„Должностные лица и в особенности прусские судебные места, к которым меннониты, намеревающиеся выселиться из отечества, обязаны адресоваться, чтобы иметь паспорта", доносил Трефурт министру иностранных дел кн. Чарторыскому, „употребляют равномерно все имеющиеся в их власти средства, чтобы отвратить таковых от намерения выселиться; они имеют даже приказание делать это и отлагать разрешение как можно дольше".

Трефурт полагал, что эти меры не достигнут цели. „Нет нужды", писал он в том же донесении (от 4/16 апреля 1804 года), „энтузиазм, который одушевляет этих людей по отношению к августейшему монарху всероссийскому, восторжествует и преодолет вероятно препоны, какия ставит виселению из отечества класса людей, коих приобретение должно быть тем более выгодным для России, что их честность, равно как их полезность, общепризнаны.

1) Архив Мин. Землед., № 1934/2252, письмо генерального консула коллежс. сов. Трефурта из Данцига от 27 июля./8 авг. 1803 г. (Перевод).

2) Там же.

Я льщу себя (надеждою) почти всех их побудить к поселению в окрестностях Екатеринослава".

Ни смягчение декларации 1801 г., ни ограничительные и запретительные меры против меннонитской эмиграции действительно пока не достигли цели, но причиной того был не энтузиазм, внушаемый меннонитам русским императором, как это хорошо сознавал и сам Трефурт, а то безвыходное положение, в какое поставила их первоначально непримиримая позиция, занятая прусским правительством в их деле. Под влиянием ее многие меннониты уже успели ликвидировать свои имущественные отношения в Пруссии, и для них не было иного выхода, кроме эмиграции, если они не хотели окончательно разориться. Сообщая в донесении от 31 марта/12 апреля 1804 г. об избавлении меннонитов от поставки рекрут, Трефурт писал: „однако здесь есть еще множество их (меннонитов), кои заранее не только продали уже свои земли, но произвели даже уплату десятины, чтобы отправиться в Россию. Значительный убыток, который в том необходимо последовал бы для этих последних, если-бы они остались здесь, не позволяет им иного выбора, как соединиться с их соотечественниками в России" 1).

Само прусское правительство сознавало всю затруднительность положения этой категории меннонитов, и с июня 1804 года возобновило выдачу паспортов желающих выселиться.

„Спешу я донести вашему сиятельству", писал Трефурт графу Кочубею от 18/25 июня этого года, „что прусское правительство уже начало давать пашпорты менонистов выходцам по взятии с них десятой доли имения; число оных, по моим известиям, может простираться до 300 и более семейств"...

Чтобы умерить эмиграционную горячку среди меннонитов и удержать тех из них, кто не распродал еще своих земель и прочего имущества, были пущены слухи о печальной участи, ожидающей эмигрантов в России.

„Не могу умолчать", писал Трефурт в том же донесении графу Кочубею, „чтоб не известить еще ваше

1) Моск. Главн. Архив Мин. Ин. Дел, II, 1, № 1-й "0 поселении в России прусских менонистов"..

сиятельство о разных мерах, которые здесь употребляют, дабы менонистов удержать, тем более, что ныне отправляются на большей части самые богатые, имеющие до пяти, до шести и более тысяч червонных имения, а именно: ропустили на сей конец весьма вредные слухи, будто бы в новороссийских губерниях климат очень нездоровый, что отведенные менонистам места, лежащие по реке Малошне (Молочной) близь Азовского моря, принадлежат татарским князьям в собственность, и что по сему обстоятельству менонисты подвержены большой опасности от нападения татар; что отсюда переселившиеся в прошлом (1803) году менонисты принуждены еще до сих пор, по невзятию надлежащих мер для их пребывания (водворения), жить в Хортице к крайнему их разорению и разстройству".

Трефурт, как умел, опровергал „сии вредные", но имевшие некоторое основание слухи. Он указывал на то, что климат Новороссийского края здоровый, земля весьма плодородная, для совершенной же безопасности его „поселяне" к войскам добавлено большое количество земской полиции; „а что зделаны были уже предварительно наилутчия и скорейшия распоряжении для отведения им земли и для доставления им лесу на выстройку домов и протчая", наставлял Трефурт меннонитов, "служит доказательством производство в надворные советники помощника достойного коллежского советника г-на Контениуса; наконец ... высочайший указ ... генерал-губернатору литовскому о взятии надлежащих мер для принятия в Гродне и препровождения тех менонистов с знаками попечения и доброжелательства послужит им в наилутчее доказательство и в опровержение всех злоумышленных слухов" 1).

Наивная аргументация в том духе, что раз приказания свыше отданы, то следовательно и исполнены, что если чиновник произведен в следующий чин, то значить в его ведомстве все благополучно, могла иметь сама по себе некоторый успех среди меннонитов, привыкших к

1) Архив Мин. Землед., № 2060/2302, „О переселении менонитов из Пруссии в Новороссийский край"; черновик перевода означенного донесения имеется также в Архиве Мин. Ин. Дел II, 1, № 1: „О поселении в России прусских менонистов".

строго размеренному, точному и аккуратному действию прусского бюрократического механизма; но центр тяжести был не в ней, а в том, что порвавшим все имущественные связи с родиной не было другого выхода, кроме эмиграции, а за этими последними могли пойти и все связанные с ними разного рода узамы, хотя и не продавшие еще своих имущества.

Эмиграция в Россию возобновилась немедленно, как только прусское правительство перестало задерживать выдачу паспортов. В июле 1804 года число выселившихся составило 90 семей (501 душа). „Так как выселение меннонитов все продолжается“, доносил Трефурт кн. Чарторыскому от 8/15 июля этого года, „то я имею возможность ежедневно раздавать им паспорта.. имущество, которое они увозят с собою отсюда, считая все, как в деньгах, так и в товарах, исчислено по свидетельствам и другим документам приблизительно в 100.00 прусских талеров“. В другом донесении (от 22 июня /4 июля) Трефурт сообщал, что "многие из этих меннонитов увозят с собою сверх того скот очень Хорошей породы, как то коров, овец и проч."

В августе того же года отправилось в Россию еще 76 семей (401 душа), увозя с собою по официальным данным имущества на 112.719 прусских талеров, в действительности же, как и их предшественники, на сумму значительно большую 1). Дело в том, что прусское правительство, как выше было упомянуто, обложило эмигрантов тяжелым налогом в размере одной десятой вывозимого имущества. Этого испытания не выдержала пресловутая меннонитская честность, и большая часть семей „согласилась между собою объявить только половину или третью часть настоящего их имени" 2).

„Я смею прямо уверить ваше сиятельство“, доносил Трефурт министру иностранных дел, "что сумма звонкой монеты, которую увозят меннониты, недавно выехавшие в Россию, свыше 100.000 червонцев, следовательно много более чем показывают данные списков, извлеченные из сви-

1) Москов. Главн. Арх. Мин. Ин. Дел.

2) Архив Мин. Землед. № 2000/2302. донесение Трефурта гр. Кочубею от 13 25 июня 1804 г.

детельств каждого... Например, меннонит Клаас Винер, будучи внесен в мой первый список с 8680 прусскими талерами, увозит по уверению пастора Варкентина, 10.000 червонцев. Очевидно, что водворения, формируемые из таких колонистов могут быть только чрезвычайно выгодными для империи" 1).

За первыми более крупными транспортами меннонитов 2) последовали отправления мелкими партиями. В начале сентября Трефурт отправил в Россию три семейства меннонитов в числе 28 душ. Еще ранне 2-го августа по новому стилю отправилось 11 семейств меннонитов из Швеца (Schwetz); в октябре за ними оттуда же последовали еще 7 семейств. Эти последние 18 семейств из Швеца принадлежали к особому меннонитскому толку и среди прочих меннонитов были известны под именем *старых фламандцев*. В донесении кн. Чарторыскому от 31 марта/12 апреля 1804 года Трефурт сообщал следующие сведения о меннонитах этого толка: "Между (меннонитами) готовыми к отъезду и снабженными на сей предмет королевским позволением здесь есть также несколько семейств таковых из деревни Езёрки (Jeziorken) близъ Швеца, меннонитов необычайного закала, т. е. таких, кои, отличаясь крайней строгостью нравов и рачительной приверженностью к заветам своего первого основателя Менно, различаются от других тайной вечерей или умовением ног, причащаясь на страстной неделе, и своим костюмом.

Эти люди, большею частию ткачи, не желая легко сблизиться с современными меннонитами,— это так они называют других,— твердо стоят на том, чтобы идти в Острог на Волыни, дабы там соединиться с таковыми же их вероисповедания, старого толка; они мирятся даже с тем, в случае если бы корона не имела для раздачи им земель на Волыни, чтобы заключить особливые контракты с теми, которые имеют староста в аренде, лишь бы наш августейший двор благоволил вознаграждать им путевые издержки".

- 1) Моск. Главн. Арх. Мин. Ин. Дел, донесение Трефурта кн. Чарторыскому от 23 августа 4 сентября 1804 г.
- 2) Отправление их следовало в таком порядке: 30+60+76 семей.

Трефурт убедил их отказаться от мысли о водворении на Волыни и направиться в Новороссийский край 1).

Препятствия, которые ставились прусским правительством к выселению меннонитов, как будто еще сильнее подогревали среди них движение в пользу эмиграции. Не смотря на сделанные уступки и неблагоприятные слухи о положении в России только что переселившихся туда их единоверцев, среди меннонитов нашлись охотники эмигрировать и из числа тех, кои еще не приступали к ликвидации своих имущественных отношений В своих донесениях от 23 августа/4 сентября и 11/23 октября 1804 года Трефурт писал кн. Чарторыскому об этой категории меннонитов:

„Много семейств вынуждены отложить до будущего года свое отправление в Россию, не успев сбыть с рук своих недвижимых имений и не получив еще паспортов на выселение. Не смотря на все уловки, которые употребляют здесь, чтобы их удержать, однако лишь немногие семьи до настоящего времени пременили решение, совершенно покинув проект эмиграции”.

“В окрестностях Эльбинга, Мариенбурга и Данцига есть еще некоторые число таких, кои рассчитывают выселиться в будущем году, если только получают позволение от прусского правительства, ибо относительно богатых колонистов положительно существует секретное запрещение выпускать их из страны. Эти последние находят однако средство обойти означенное запрещение”.

Кроме того, сверх упомянутых выше 18 семей "старых фламандцев", еще от 50-ти до 60-ти семейств меннонитов этого толка готовились к переселению в Новороссийсктй край в будущем 1805-м году 2)

Весной 1805 года „достойный пастор" Варкентин действительно уведомил Трефурта о предстоящем возобновлении меннонитской эмиграции в Россию.

„По истине отеческая заботливость, с какой принимают у нас этих земледельцев", писал Трефурт кн. Чарто-

- 1) Моск. Главн. Арх. Мин. Ин. Д., донесение Трефурта кн. Чарторыскому от 11/23 октября 1804 г.
- 2) Моск. Главн. Арх. Мин. Ин. Д., донесения Трефурта от 23 августа/4 сентября и 11/23 октября 1804 г.

рыскому от 1/13 мая этого года, „является могущественным стимулом ободрения для тех, которые еще желают переменить свое местопребывание. Пастор В(аркентин) сообщал мне о восьми семействах, готовых выселиться, из коих трое владеют вместе состоянием в 13.500 прусских талеров наличными "деньгами".

8/15 июня Трефурт уведомил министра иностранных дел об отправлении им в Екатеринослав 6-ти меннонитских семейств, „снабженных весьма хорошими аттестатами со стороны их прихода" и получивших разрешение на выселение еще в предшествовавшем году. За ними последовало в Россию еще 9 семей, получивших разрешение на выселение уже в 1805 году. Эти 15 семей, в числе 98 человек, увозили с собой в Россию 23.528 прусских талеров.

В депеше от 9/21 августа Трефурт сообщал об отправлении им в Россию еще шести (6) семейств, владеющих суммой в 11.000 прусских талеров. Но видимо источник эмиграции уже изсякал, и в депеше от 20 июля/1 августа Трефурт писал: "кажется, что эмиграция этих земледельцев, столь ценных для России, приходит к своему концу".

Причиной сокращения эмиграции отчасти являлись те препоны, какие ставило ей прусское правительство, отчасти неблагоприятные слухи о положении в России только что перебравшихся в нее меннонитов.

В донесении министру внутренних дел от 14/26 июня Трефурт сообщал, что „от 40 до 50 семейств менонитов, по большей части очень зажиточных как деньгам, так и голландскими коровами и баранами хорошей породы, около восьми или девяти месяцев ожидают себе пашпортов на выход в Россию, но правительство Западной Пруссии, по секретному повелению двора, удерживает их, стараясь всеми возможными способами или отвратить их от их предприятия, или, в случае естли останутся непреклонными, изубыточить их проволочкою и количеством напрасных издержек до того, чтоб, кроме вычета десятой части, потеряли они половину своего имения прежде, нежели получают позволение на выход". Такое поведение прусского правительства наше министерство внутренних

дел квалифицировало как „поступок явно несправедливый и, естьли можно сказать, отвратительный“.

Среди хлопот по отправлению мелких транспортов меннонитов, летом 1805 года Трефурт сообщил своему правительству слух, переданный ему пастором Варкентином, но исходивший от президента эльбингского магистрата Бейма, брат коего служил при прусском короле, „что многие фамилии из вышедших уже в Россию менонистов, по причине неудовольствия, возвратятся в Пруссию, и что сверх того выход менонистских семейств скоро вовсе закрещен будет прусским правительством по убеждению двора о весьма ощутительной потере, причиняемой той стране выходом таковых земледельцев“.

При этом Трефурт выразил сомнение в справедливости переданного слуха, „судя по желанию и охоте, оказываемой теми, кои даже и теперь отправляются в Россию, дабы разделить тамо счастливую участь своих соотечественников“; в данный момент у него было пять семейств, готовых отправиться в Россию, но он надеялся, "что они не последние отправятся, естьли только король в самом деле не разсудит вовсе запретить выход сих богатых и полезных земледельцев, коих знатное уже приобретение конечно будет новым источником благосостояния той части России (Новороссийский край), где столь нужно умножение земледельческих рук" 1). Донесение Трефурта, доложенное министром внутренних дел, обратило на себя серьезное внимание императора Александра, и он приказал с нарочным сообщить о нем одесскому военному губернатору герцогу Ришелье и потребовать от последнего сведений, „имеет ли сие известие какое основание"? 2).

„Государь император“, писал герцогу министр внутренних дел, „хотя признать изволил, что слухи сии должны конечно быть неосновательны, однакож, обращая

-
- 1) Архив Мин. Землед. № 2156/2330 Дело по письму генерального консула в Гданске ст. сов. Трефурта о приготовляющихся из Пруссии к выходу для поселения в Россию менонистах. 1-го июня 1805 г., кончено 10 ноября 1805 г".
 - 2) Там же, отношение графа Кочубея одесскому военному губернатору Эммануилу Осиповичу Дюку Ришелье от 16 июля 1805 г.

всегда особенное внимание на жребий людей, в Россию переселяющихся, а наипаче на менонистов, толику пользу приносящих, высочайше указать мне изволил... чтоб Вы, милостивый государь мой, поручили прилежние удостовериться, нет ли подлинно каких неудовольствий менонистов, и не имеют ли упомянутые разглашения какого-либо основания... я купно имею обязанность уведомить Вас, что его величеству угодно, дабы Вы... всевозможное старание обратили на то, чтоб менонисты ни в чем не имели недостатку, и чтоб попечением о них правительства в полной мере удостоверились они о желании его всеми способами содействовать их благоденствию".

Меннонитская колонизация на Молочных Водах находилась в непосредственном ведении министерства внутренних дел и его местного органа—конторы новороссийских иностранных поселенцев, а посему поручение, возложенное на Ришелье волею императора, ставило его в довольно щекотливое положение, но герцог умело вышел из него. Он ответил министру внутренних дел в том смысле, что колонии в распоряжение коих он не входит, как-то в Крыму и на *Молочных Водах*, *находятся в хорошем положении*, но *его колонии*. не смотря на все труды и старания, подвержены непрерывно болезням и не имеют желаемого успеха; в хорошем положении колоний на Молочной и в заботах о них конторы он убедился еще весною, „осматривая, лично... водворение менонистов... и входя в подробность, их положения".. По получении же отношения министра с изложением высочайшей воли он поручил расследовать дело главному судье конторы Контениусу, т. е. лицу, на которое пала бы вся ответственность, если бы слух о справедливом недовольстве менонитов своей участью в России подтвердился. Результаты расследования получились такие, каких и следовало ожидать, хотя самого факта существования недовольства все же не удалось скрыть. „По сему обстоятельству", писал Ришелье министру внутренних дел, получил я от него (Контениуса) донесение, что поныне один только менонист объявил желание возвратиться в Пруссию, и то по причине доставшегося ему наследства. Впрочем никаких следов раскаяния об оставлении ими своего отечества, не видно, хотя и чув-

ствуют они трудность, сопряженную с водворением в местах степных и безлесных.

„Г-н Контениус полагает, что т из них, которые затевали купить за миллион рублей имение г-на Розянки, именуемое Полненька, не имея на сие столько денег и льстясь надеждою получить оное пособием казны, обнадеживали в том перепискою своих заграничных собратий, но, получивши неудачу, с неудовольствием о том к ним отозвались" 1).

Одною из причин, питавших недовольство меннонитов, только что переселившихся в Новороссийский край, было отсутствие леса. Они не хотели и не умели строить зданий в роде малороссийских мазанок, и полагали, что местная русская власть должна их снабдить лесом на первое обзаведение, как это было сделано по отношению к их единоверцам при Екатерине II. К тому же у них пред глазами был пример прусского правительства, которое своих колонистов из Виртемберга снабжало лесом даже без всякого взыскания с них за то денег впоследствии. В одном из своих донесений в министерство внутренних дел 2), Трефурт по этому поводу писал: „Одно, чем менонисты кажутся быть недовольными в России, есть совершенной недостаток леса в том крае, где они водворены, *В Пруссии*, где конечно леса гораздо меньше, редок, *корона снабжает новых колонистов из Виртемберга* всем нужным на первое их обзаведение лесом без всякого взыскания. Всем менонистам дается ссуда на построение домов с возвратом".

Возникали и другого рода недоразумения и шероховатости во взаимных отношениях между русским правительством и переселяющимися меннонитами. 20-го февраля 1804 года по всеподданнейшему докладу министра внутренних дел были изданы и сообщены к руководству дипломатическим агентам за границей новые правила о приеме иностранных колонистов. Размер кормовых денег, выдаваемых колонистам во время путешествия от русской

- 1) Архив Мин. Землед., № 2156/2330, „выписка из письма Дюка де Ришелье" и его ответ министру внутренних дел от 16 августа 1805 г.
- 2) 14/26 июня 1805 г.

границы до мест водворения, в силу этих правил, ограничивался 10-ю копейками в сутки для взрослого и 6-ю копейками для малолетнего. Литовский военный губернатор и Трефурт поняли новые правила в том смысле, что они простирают свое действие на всех иностранных выходцев, не исключая и меннонитов; но признавая обязательность этих правил, Трефурт находил их не вполне сираведливыми и целесообразными по отношению к меннонитам, „которые как по известной их пользе и неукоризненному поведению, так и по их имуществу заслуживали бы некоторое пред другими преимущество".

Если бы применить установленные правилами нормы и к меннонитам, то их кормовое довольствие сократилось бы для малолетних вдвое, а для взрослых даже в два с половиной раза. Эта перспектива не улыбалась меннонитам.

„Уменьшение в кормовых деньгах, по высочайшему повелению сделанное", доносил Трефурт, „произвело неприятное впечатление в менонистах... Они поэтому опасаются, чтобы не было им отказано по 50 рублей на проезд до места, как то производилось вышедшим в прошлом году меннонитам по прибытии их в границу!

По докладу о том министра внутренних дел, государь повелел чрез посредство Трефурта „обнадежить" меннонитов, „что с ними поступлено будет во всем точно на том основании, как с теми из товарищей их, которые прежде вышли, и что вследствие сего они не будут лишены ни путевых 1), ни кормовых денег, и уже давно 2) поставлено в виду г-ну литовскому военному губернатору, что *сии люди из общих правил изъемятся*" 3).

Тем же высочайшим повелением было ликвидировано и другое недоразумение, возникшее в связи с изданием новых правил. Седьмой пункт этих последних гласил: „Они („министры, резиденты, поверенные в

-
- 1) В изложении этого дела, составленном в министерстве внутренних дел, имеется следующее примечание: "№ 13. Путевые деньги не только им, но и колонистам не перестанут выдаваться".
 - 2) 4 июня 1804 г.
 - 3) Архив Мин. Землед., № 2060/2302, письмо графа Кочубея Леонтию Федоровичу Трефурту от 18 июля 1804 г.

делах или консулы его и-го величества") должны наблюдать, чтобы те (из желающих эмигрировать в Россию иностранцев), кои будут к ним являться, предъявляли свидетельства или верные поруки, что они имеют и вывезут с собою имения, или в наличном капитале, или в товарах, не менее как 300 гульденов; не предъявивших же того не принимать, ибо опыты научили, что обзаведение недостаточных и медленно производится, и малые дает успехи."

Среди меннонитов был небольшой процент малосостоятельных хозяев, неудовлетворявших указанному имущественному цензу, а также сельскохозяйственные рабочие, без коих малосемейные зажиточные меннониты не могли обходиться. Поэтому приведенное выше требование вызвало среди переселяющихся большую тревогу, и проповедник Варкентин обратился к Контениусу с особым письмом. В нем он указывал на то, что „пожертвование десятою частию" имущества и так для выселяющихся „слишком ощутительно"; „если же не будут еще приняты и в Россию, то сделаются чрез то крайне несчастными; посему он выражал надежду меннонитов, что „государь император, по человеколюбию своему, уважит сии обстоятельства и соблаговолит даровать им свободу *следовать за богатыми* колонистами, выходящими с хорошими капиталами, *в качеств их работников и за их поручительством* в те губернии, где земледельческие руки толико нужны."

Трефурт с своей стороны, не считая возможным затевать длительную переписку по этому делу и принимая во внимание малое число бедных среди меннонитов, решился принимать не имеющих означенного ценза, „с тем однако условием, что сии работники не будут требовать ни денежной ссуды, ни земли для себя, кроме кормовых и путевых до Екатеринослава денег."

В упомянутом выше письме от 18 июля 1804 года граф Кочубей писал по этому делу Трефурту: „нужным почитаю дать вам знать, что его величество одобрил ваши распоряжения в разсуждении бедных и позволяет им *следовать за богатыми в звании работников*, без всякого от казны пособия, кроме кормовых и путевых денег.

Таким образом новые правила приема в Россию иностранных поселенцев, поскольку они устанавливали имущественный ценз и уменьшенный размер кормовых денег, не коснулись меннонитов.

Установленный размер кормовых денег, высокий по тому времени не только для меннонитов (25 и 12 коп), но даже и для колонистов (10 и 6 коп.), и выдача этих денег в зависимости от длительности путешествия, сколько бы кто суток ни пробыл в пути, привели к неожиданному для правительства результату: меннониты, получив в Гродне кормовые вперед за 40 суток и выехав оттуда с тем или другим транспортом, в пути вез всяких уважительных причин отставали от него и подолгу проживали в каком-нибудь городе или местечке в ожидании следующего транспорта. по прибытии же в Екатеринослав они требовали у конторы выдачи кормовых денег за все время своего нахождения в пути. Благодаря этому издержки путешествия, в особенности у больших семей, возрастали до очень крупных размеров, нередко равнясь, а иногда и превосходя собою ассигнованную на все расходы по путешествию, прокормлению на месте и водворению меннонитской семьи сумму в 560 рублей.

Так Мартын Гам во время пребывания в Гродне с 30 сентября до 8 октября 1808 года получил на свое семейство, состоявшее из десяти взрослых душ, 20 рублей серебром кормовых денег; при отъезде оттуда 8 октября ему выдано было вперед на 40 дней сто рублей путевых серебром же и 50 рублей ассигнациями на фураж для лошадей, итого в Гродне он получил 170 рублей, „да в местечке Бердичеве на квартире" ему выдано было 245 рублей 50 коп.; „по прибытии же 22 апреля в Екатеринослав требовал (он) от конторы в додачу путевых и за простоялые, по объявлению его, в Житомире 98 дней денег"; контора выдала ему только в додачу" за 59 дней путевых денег 147 рублей 50 коп., с коими и числилось на нем 568 рубля; а если бы положить ему и за „простоялые" 98 дней по 15 коп. на душу 1), то пришлось выдать

1) Определяя таковой размер кормовых за „простоялые дни", контора основывалась на предписании министра внутренних дел волынскому губернатору Решетову относительно десятого транспорта

бы еще 147 рублей, что и составило бы сумму в 710 рублей „без кормовых на месте и без нужных на водворение“.

Наблюдения над путешествием меннонитов и колонистов убедили контору, что „равного числа путевых дней всем положить не можно, потому что в дороге случаются болезни и другие препятствующие случаи, останавливающие их против воли, и что должно полагать различие и в годовых временах“, но при всем том она считала нужным и возможным бороться с злоупотреблениями со стороны выходцев этой неопределенностью срока, потребного на проезд пути от Гродны до Екатеринослава

Контора обращалась к губернаторам тех губерний, чрез которые пролегла "трактовая дорога" меннонитов и колонистов, с просьбой сделать распоряжение, "чтобы во время следования тех людей в городах от полицейских ЧИНОВНИКОВ и селениях от сельского начальства было помечаемо на выдаваемых им открытых листах время, если они в каком городе или селении останутся. сколько где именно пробудут, дабы потому можно знать число дней их путешествия и число квартирования в городах и селениях; и если кто по болезни или по другим препятствиям принужден будет отстать от своего транспорта, и следовательно остается без вида, то таковому при отправлении давать свидетельство, когда точно он прибыл, сколько дней оставался в городе или селении когда оттоль отправился, на которых (свидетельствах) также в подлежащих трактовых местах чинены были бы вышеозначенные пометки". Но обращение конторы к губернаторам осталось безрезультатным: "исполнения по оному не последовало".

Тогда, в видах устранения злоупотребления и сокращения расходов казны, контора обратилась к министру внутренних дел с предложением принять следующие меры:

немецких колонистов, о одновременно с меннонитами переселившихся в Новороссийский край: этот транспорт останавливался на квартирах в волынской губернии, и во время остановки министр предписал выдавать входившим в состав его колонистам — взрослым по 15, а малолетним по 10 копеек в сутки.

1) установить для проезда меннонитов от Гродны до Екатеринослава определенный срок, а именно — в летние месяцы от 40 до 50-ти дней, а в зимние от 45 до 60-ти дней, и на это число дней выдавать вперед деньги с предупреждением меннонитов и колонистов, что „если они не станут поспешать в дороге и пробудут больше дней, нежели насколько времени учинена выдача кормовых денег, то содержание за излишние дни обязаны они иметь собственное, и в додachu таковых ни в конторе и нигде в другом месте они не получать“; пробывшим же в пути лишнее время по болезни или другим уважительным причинам в видк исключения может быть выдаваемо некоторое денежное пособие, но отнюдь не сумма, определяемая числом „путешественных“ и „простоялых“ дней

2) При отправлении в Новороссийский край прибывших „в российские границы“ меннонитов и колонистов принимать во внимание степень их зажиточности, „и тем, кои в состоянии доехать сами до Екатеринослава, и особливо если они сами требовать не будут, ни кормовых, ни фуражных денег не выдавать“.

Предположенное разделение меннонитов по степени их состоятельности на три разряда или „сорта“ (см. выше стр. 30) осталось только на бумаге, и в действительности всем меннонитам выдавались в Гродне одинаково кормовые и фуражные деньги. Меннониты полагали (и в этом гродненская администрация не пыталась их разубеждать), что кормовые и фуражные деньги выдаются им в виде безвозвратного пособия, а посему все и требовали выдачи их себе, как должного, хотя и обладали собственными средствами. По прибытии в Екатеринослав они убеждались в противном, и некоторые из них заявляли, что „они не были расположены принимать в Гродне путевых, кормовых и фуражных денег, но там им сказано, что сии деньги выдаются безвозвратно“ 1). Основываясь на этих заявлениях, контора не сомневалась в том, что и на будущее время среди меннонитов найдутся такие, „которые в со-

1) Отправлением колонистов из Гродны заведывал советник Изот; так он поступал вероятно ради облегчения себе отчетности.

стоянии приехать на собственном иждивении, лишь бы пограничные начальства не предлагали каждому без различия принятия путевых денег 1).

Министр внутренних дел согласился с представлением конторы и предложил литовскому военному губернатору барону Бенигсену и волыньскому гражданскому губернатору Гаврилу Степановичу Решетову привести в исполнение рекомендованные конторою меры 2). Но и по прибытии на место в Екатеринослав и затем в Хортицу, где отводились меннонитам квартиры, только меньшинство их отказывалось от получения кормовых денег, назначавшихся теперь по 8 копеек на душу в сутки, и это не смотря на то, что большинство переселенцев были люди - состоятельные. Так в конце 1803 года „из вновь прибывших менонистов" 99 семейств (в числе 459 душ обоого пола) „просили выдачи им по 1-ое декабря сего года по 8 копеек в сутки на душу кормовых денег, и оными они (были) удовлетворены, а 20 семейств таковых объявили, что они могут обойтись без выдачи сих денег" 3). Неустойчивость правительственной политики в прошлом по отношению к иностранным выходцам поддерживала у большинства меннонитов надежду, что сделанный долг казне может быть прощен. Также обстояло дело и со ссудами на обзаведение.

Каждому семейству на первоначальное обзаведение выдавалось:

а) „на сделание плугов и прочих нужных земледельческих орудий" по 25 рублей; б) на покупку семян (озимых) для посева и приобретения скота по 100 рублей и в) на постройку домов также по 100 рублей.

-
- 1) Архив Мин Землед., дело № 2088/2313 „По представлению новороссийской опекунской конторы относительно ограничения выдачи следующим для поселения в Новороссийский край менонистам и колонистам путевых и кормовых денег", представление конторы от 4 августа 1804 г.
 - 2) Там же, предписания означенным губернаторам от 8 сент. 1804 г.
 - 3) Архив Мин. Землед. № 2016/2284, „Дело по представлению новороссийской опекунской конторы касательно произведенной выдачи из Пруссии вышедшим менонистам кормовых и ссудных денег и по предмету обзаведения их хозяйством".

Нужно заметить, что все вышедшие в Россию между 1803—1806 гг. меннониты, в числе 364 (362) семейств 1), были разделены, во времени прибытия, на три категории: на меннонитов первого, второго и третьего выходов; для заведывания каждой категорией и ведения с ней денежных счетов казны учрежден был особый приказ.

Когда таковой „учрежденный в Хортицкой колонии над менонистами второго выхода приказ" получил запрос новороссийской конторы, „кто из хозяев, не имея своего капитала, имеет надобность в казенной ссуде, кто желает быть водворенным со стороны казны, и кто не требует никакого от казны пособия", то „имеет собрание и разсуждение" по этому делу, названный приказ постановил испросить отсрочку для дачи требуемых сведений, пока не решится вопрос о покупке меннонитами имения „Волненького". Решение скоро состоялось, но в отрицательном смысле: „гражданский губернатор фон Берг объявил" меннонитам „высочайший рескрипт, что на покупку имения Волненького высочайшего соизволения не последовало"; тогда они просили губернатора исходатайствовать у государя „выгоднейшую землю для их водворения, нежели на Молочной; ежели же, сверх чаяния, сия просьба их останется без действия", то выражали надежду на то, что, по милосердию государя, они по крайней мере" будут „подкреплены большою ссудою или отпуском большого количества леса, нужного к постройке хозяйских жилищ".

В ходатайстве отвести лучшую землю, нежели на Молочных Водах, меннонитам было отказано, но просьба об отпуске леса была удовлетворена. На первый раз у черныбыльского мещанина Берки Михалевича было куплено 1600 бревен 3-х саженных, 116—4-х саженных и 453— 5-ти саженных, с платой по 67 1/2 копеек за каждую 3-х аршинную сажень. 28 сентября 1804 года с тем же поставщиком был заключен контракт о поставке новой

1) Подсчет цифр, сообщаемых Трефуртом, дает 364 семьи, по сообщению же „Журнала Министерства Государств. Имуществ" за 1854 г. за указанные три года переселились 362 семьи. (Учреждение новых колоний в царствование императора Александра I.)

партии строевого леса, а именно 2000 бревен 3-х саженных и 800—4-х саженных. Всего таким образом для меннонитов было куплено казной 4969 бревен строевого леса, а с „кряквами и латами" 5852 бревна. Доставка по Днепру до Александровской пристани каждого бревна, круглым числом, обошлась в 82 1/2 копейки, а всей партии леса обеих покупок в 4827 рублей 90 копеек. От Александровской пристани до Молоченых Вод лес везли „фурщики", что еще более удорожало его стоимость. Меннониты 2-го выхода, весной 1806 года получившие этот лес, уже не могли требовать сторублевой ссуды „на строение дома".

Кроме указанных выше ста рублей на хозяйственное обзаведение и семена были выданы особые деньги на покупку яровых семян. Меннониты первого выхода получили их по десять рублей на семью, но семян не приобрели, потратив деньги „на пропитание"; пришлось вторично выдать им на яровые семена всем в совокупности 1290 рублей (т. е. по 10 же рублей на семью). Меннониты второго выхода получили на этот предмет уже по 18 рублей на семью.

Всем прибывшим в Новороссийский край в 1803— 1806 гг. меннонитам пришлось водвориться на „Молочных Водах" (в Бердянском уезде Таврической губернии), хотя значительной их части хотелось сесть сразу на культурных землях, не требовавших большой затраты труда. Здесь они основали девятнадцать (19) колоний 1), из коих десять по берегам реки Молочной, а остальным по рекам Токмаку (3 колонии) и Куруду-юшанлэ (6 колоний). Все они были отданы в непосредственное заведывание „смотрителя молочанских колоний", каковым был назначен барон Иксуль. Почва на „Молочных Водах" состояла из рыхлой песчаной земли, перемешанной с черноземом; в низменных местах вдоль реки Молочной встречались солончаки, а в одной колонии — Мюнстерберг даже сыпучие

- 1) Гальбштадт, Гальбштадт ремесленный. Мунтау, Шенау, Фишау. Линденау, Лихтенау, Блюмштейн, Мюнстерберг, Альтонау, Орлов (1804 г.), Тиге, Тигенгаген, Блюменорт, Розенорт, Шензе, Ладекоп, Петерсгаген или Сладкая Балка (1805 г.) и Фюрстенау (1806 г.).

пески. Привести эти земли в культурное состояние было не легкой задачей, но меннониты этого водворения удачно и быстро с ней справились, будучи людьми не только трудолюбивыми, но и богатыми: они принесли с собой значительное количество наличных денег 1), лошадей, рогатого скота фрисландской породы, испанских овец и сельскохозяйственных орудий всего на сумму до 450 тысяч рублей серебром.

В течение каких-нибудь 4—5 лет они уже достигли значительного благосостояния, так что "Северная Почта" в начале 1810 года могла поместить о них следующее „Известие из Симферополя" (от 8 января): „меннониты, недавно поселившиеся в стенной части Крыма при *Молочних Водах*, начинают уже приходить в цветущее состояние, а равно и колонисты в сию же округу из разных мест вышедшие. Теперь занимают они вообще двадцать шесть селений, в коих число меннонитов составляет тысячу девятьсот две, а число колонистов девятьсот девяносто восемь душ обоего пола. По их обыкновению они обстроились весьма прочно и обзавелись всем хозяйством; при том же имеют большое пространство земли, которая весьма щедро награждает, труды земледельца, не требуя никакого удобрения. Скотоводство их, пчеловодство и садоводство идет весьма успешно. В нынешнем (1809) году они имели уже двадцать пять шелковых плантаций, заключающих в себе до 30.000 регулярно разсаженных деревьев. Продукты развозят они в ближайшее города и селения и получают весьма хороший барыш.

-
- 1) В 1813 году, 30 августа, испрашивая себе награждение орденом св. Владимира 3-ей степени в виду исполнившегося десятилетия со дня отправления им в Россию первой партии меннонитов в числе 115 семей (кои теперь по миновании льготы обязаны были уже платить подати), Трефурт писал министру иностранных дел: „Vous n'ignorez point, Monseigneur. qu'outre mes fonctions diplomatiques j'ai procuré à la Russie successivement dans l'èspace de dix ans plusieurs centaines de familles de colons menonites très riches, possédant des capitaux de 2000, de 4000, de 6000, de 8000, de 10.000 et un de 30.000 écus de Prusse en arpent comptant; de ces familles opulentes, établies en grande partie à la Moloschna sur la mer d'Azow, 167 n'ont accepté aucun secours pécuniaire de la part de la Couronne" Моск. Главн. Архив Мин. Ин. Дел, II, I, № 1 "О поселении в России прусских менонитов".)

К благоустройству здешних поселенцев надлежит отнести и то, что для менонитов воздвигнут молитвенный дом, а для колонистов по разным их исповеданиям новелено построить церкви на счет казны, и уже выписываются Римского исповедания священники, а также и протестантские пасторы по примеру Одесских колоний" 1).

Еще больших успехов в своем хозяйстве достигли к этому времени меннониты, водворившиеся в России при Екатерине II в числе 346 семейств 2) Первое десятилетие пребывания в России жизнь на новых местах плохо налаживалась, но ряд правительственных мероприятий при Павле I и в первые годы царствования Александра I довольно быстро поправили их благосостояние. В 1800 году 6 апреля при императоре Павле, по докладу Сената, повелено было: а) часть хортицких меннонитов (именно 150 семейств) „переселить на другую удобнейшую землю, купив оную на счет казны"; б) отсрочить взыскание поземельной подати и ссудных денег с меннонитов, остающихся на старых местах еще на пять, а с переселяющихся на десять лет, „считая от времени изтекения первых льготных сроков"; в) установленный размер поземельной подати — 15 копеек с десятины взыскивать по истечении льготных лет только с основных 65-ти десятинных наделов на семью, за излишнюю же землю брать по 2 ½ копейки с десятины „по примеру платимой поземельной подати всеми вообще казенными поселянами новороссийской губернии"; г) взыскание ссудных денег, по миновании льготы, произвести с остающихся на месте в десять, а с переселяемых в двадцать лет 3). Эти новые льготы были подтверждены и в изложенной нами выше Жалованной Грамоте императора Павла меннонитам от 6 сентября 1800 года. Сверх того, „в виду расстроенного состояния и скудости", меннониты освобождены от возврата в казну 22738 рублей 12 копеек, употребленных, на их путевое содержание;

-
- 1) Северая Почта или Новая Санктпетербургская Газета 25. Среда, Генвари 26 дня 1810 г.
 - 2) 314 семейств в Хортицком урочище, 17 семейств в колонии Шенвизе в Павлоградском уезде и 15 семейств в колонии Кронсгартен в Новомосковском уезде.
 - 3) Полн. Собр. Зак., том XXVI, № 19,372. Апреля 6-го 1800 года высочайше утвержденный доклад Сената.

данная же им в долг ссуда в размере 358.237 рублей обращалась в распоряжение экспедиции государственного хозяйства на восстановление собственного их состояния" 1).

В силу того же сенатского доклада 3 апреля 1800 года решено было „отыскание земель к покупке представить им самим (переселяемым меннонитам); ибо опыты уже доказали, что выбор дач под поселение иностранцев без их согласия всегда бывает поводом к жалобам, как бы оной выгоден ни был".

На основании этого в 1802 году, „по избранию самих менонитов и по их прошению", была куплена для их переселения земля у тайного советника Миклашевского в числе 11.755 десятин удобных" за 24000 рублей, каковая сумма причислялась к прочим долгам меннонитов и подлежала взысканию на основании установленных означенным сенатским докладом правил. Тогда же на эту землю переселилось 65 семейств, вместо предположенных 150; в переселении большого числа „не найдено" было „дальней нужды по той причине, что близость ея (купленной земли) к Хортицам доставляет удобность пользоваться ею без переселения".

Разрежение населения в Хортицком урочище не сразу принесло свои плоды. 1804-й год для части его обитателей был последним льготным годом, и с 1805-го года они должны были не только вносить поземельную подать но и начать уплату долга казне, состоявшего „на ином семействе более нежели в 1000 рублях". Уплата долга на указанных в законе 6-го апреля 1800-го года основаниях была меннонитам не по силам: часть их „от несчастных приключений прошедших лет" все еще находилась „в бедном положении и полученной ссуды в положенном количестве в срок возвратить" была „не в состоянии". Посему старшины и церковные старосты меннонитов в 1805 году вошли с особым представлением в опекунскую контору, в коем указывая на это обстоятельство, просили ее исходатайствовать им позволение „вносить ежегодно, вместо определенной прежде уплаты, по 25 рублей с семейства, из коих 10 рублей 42 ½ копейки зачислялись бы в

1) Полн. Собр. Зак., том XXVI, № 19,372. Апреля 6-го 1800 года высочайше утвержденный доклад Сената.

поземельную подать, а прочие 14 рублей 57 ½ копеек в уплату долга; коль же скоро поправят свое состояние, то обязываются полагаемую ныне в уплату долга сумму удвоить". В представлении меннониты указывали и на те мероприятия, посредством коих они надеялись улучшить свое экономическое положение: „к достижению лучшего состояния решились они будущей весною построить судно для плавания по берегам Черного моря и по Днепру, к чему и местное положение их селений, состоящих ниже Днепровских порогов, доставляет им способность... с таким распоряжением, построив более оных, ежели успех будет соответствовать их ожиданиям, надеются сбывать свои продукты вышшими ценами, нежели в тамошних местах. Сверх того они не упустят стараться о размножении тутовых деревьев и о распространении овец лучшей породы, коих намерены доставать из Пруссии; а в выделывании сукна делается уже ими ныне опыт; и такими мерами надеются они со временем прийти в состояние уплачивать казенный долг вернее и без отягощения."

Опекунская контора нашла просьбу меннонитов справедливой и заслуживающей самого серьезного внимания, ибо если бы настаивать на выполнении требований закона 6 апреля 1800 года, то некоторым меннонитским семьям пришлось бы ежегодно вносить в уплату долга очень крупную сумму, а именно: оставшимся на месте от 100 до 120 рублей, а переселившимся на землю, купленную у Миклашевского, от 50-ти до 60 рублей; сверх того платить поземельную подать за основной 65-ти десятинный надел по 9 рублей 75 копеек, а в Хортицких колониях еще за излишне оставленную при них землю по 67 ½ копеек; наконец, всем меннонитам приходилось участвовать в содержании почт. Такого платежного бремени не могли бы выдержать даже богатые меннониты без существенного ущерба для своего хозяйства не говоря уже о семействах среднего достатка или бедных.

Учитывая это обстоятельство, опекунская контора полагала целесообразным принять следующие меры по отношению к меннонитам:

1. „Взыскивать с них ежегодно по 25 рублей с семейства с тем, чтобы согласно с их прошением, одна

часть из них зачиталась в поземельную подать, а другая в уплату долга, пока они поправят свое состояние, и тогда можно будет полагаемую ныне в уплату долга сумму удвоить";

2) означенный сбор в 25 рублей с семейства взysкивать со всех меннонитов, как хортицких, так и водворенных в особых двух колониях (Шенвизе и Кронсгартен), начав взыскание его с тех, коим льготные годы минули, с текущего 1805 года, а с остальных, как остающихся на местах, так и переселившихся на землю Миклашевского, по истечении высочайше дарованной льготы, „располагая таким образом, чтобы те семейства, коим пройдет назначенное льготное время, одним 15, а другим 20-летнее, всякий раз причисляемы были в свое время к назначаемому платежу"; наконец,

3) расход в 24 000 рублей, произведенный на покупку земли у Миклашевского и причисленный к лежащему на меннонитах долгу, принять на счет казны, ибо если эти деньги будут возвращены самими меннонитами, „то сии, считая себя владельцами той земли, сочтут за отягощение обложение их „равною с прочими менонистами, от казны земли получившими, поземельную податью по 15 копеек с десятины. Напротив того, естли оная сумма из почитающегося на них долгу будет исключена, то посредством сего, как во владении, так и в податях и повинностях, навсегда установится единообразие".

Предположения опекунской конторы, по докладу министра внутренних дел графа В. Кочубея, 18-го апреля 1805-го года были утверждены императором Александром и получили силу закона 1).

Эти новые льготы и милости дали меннонитам возможность осуществить свои предположения на счет развития торговли и разных отраслей сельского хозяйства, выраженные в приведенном выше представлении их опекунской конторе; благосостояние их быстро возрастало, и уже в начале 1810-го года „Северная Почта" следующим образом рисовала хозяйственные успехи хортицких меннонитов:

- 1) „Санктпетербургский Журнал" 1805 г., IX, сентябрь. В Полном Собрании Законов, № 21.909 — этот доклад неправильно помечен 9-м сентября.

„Меннонисты особливо могут хвалиться своим благоденствиям... они завели у себя хорошие фруктовые, а некоторые и виноградные сады; занимаются разведением шелковичных деревьев и даже выделкою шелка; имеют лучшей породы лошадей и рогатый скот, который еще с собой привели и почти ежедневно вновь выписывают для размножения; принялись притом и за овцеводство, к чему правительство оказало им нарочитое пособие подарением до 100 овец гипшанской породы. Пчеловодство составляет также важную статью в сельском их хозяйстве. Сверх того они устроили общественную винокурню, пивоварню и солодовню и завели водяные и ветряные мельницы. По миновании льготных лет меннониты сии... начали вносить положенные на них подати и уплачивать капитал, выданный им в ссуду от казны; но сумма, платеж сей составляющая, столь мала, что даже не может равняться с обыкновенными податями, не включая еще того, что они избавлены от рекрутства и постоя. Продукты свои сбывают они в ближайших городах за весьма выгодную для себя цену. Промышленность же меннонистов столь далеко простирается, что они строят уже суда и плавают на них до Одессы по Черному морю с своими произведениями, которые отвозят также и сухопутно в портовый город Таганрог, за 500 верст от них отстоящий 1).

Войны императора Александра с Наполеоном приостановили на время переселение меннонитов в Россию, но с 1808-го года оно опять возобновляется. В этом году „несколько добрых меннонитских семей", желая отправиться в Россию, чрез посредство неоднократно упоминаемого выше Варкентина, обратились к русскому консулу в Эльбинге Абег (Abegg) с просьбой предварительно ответить на следующие вопросы:

- 1) "Принимают ли еще меннонитов в Россию?
- 2) „Дают ли им паспорта и на границе обычное денежное пособие?
- 3) „Будут ли они водворены на тех же самых условиях, на каких пред тем были приняты в им-

1) „Северная Почта", 1810. № 23. „Известие из Екатеринослава от 5 Января".

перию их единовѣрцы (Si on leur accorde des établissements aux mêmes conditions obtenues pour ceux de leur secte précédemment reçus dans L'Empire..)?“

Абег за решением этих вопросов обратился к графу Штакельбергу, представив ему при том, что утвердительный ответ на них вызовет переселение в Россию не только „довольно значительного числа меннонитских семейств“, но и прусских ремесленников: „нищета, царствующая в прусских провинциях, занятых (occupées) еще французскими войсками“, побудила уже несколько семей хороших ремесленников обратиться к нему с изъявлением своего желанія переселиться в Россию при условии небольшой денежной помощи на дорогу и водворение.

Штакельберг с своей стороны депешей от 18/25 июля 1808-го года довел об этом деле до сведения графа Румянцева, а этот последний сообщил министру внутренних дел князю Алексею Куракину.

Условия приема меннонитов на этот раз сохранены были прежние, и в 1808—1809 годах прибыло в Россию 99 менонитских семейств: часть их была отправлена Трефуртом из Данцига, где местное „Гданское правительство“ затрудняло „им выход так, как и прусское, всеми только возможными способами“, Эмигранты из Данцига были люди состоятельные. Сообщая об отправлении в Россию четырех меннонитских семей 1) в числе 21-ой души, в донесении от 17/29 августа 1809-го года Трефурт писал, что они „отправились отсюда в Гродно на собственных лошадях, взяв (с) собою двух голландских коров, несколько овец (sic) гишпанской породы, называемых здесь „фагас“, и наличными деньгами около двух тысяч талеров прусских 2).

Широкое привлечение иностранных колонистов в Россию на прежних основаниях вскоре однако стало не по средствам для русской казны. Участие России в континентальной блокаде, как результат Тильзитского мира, тяжело отразилось на наших финансах. Прекращение торговых

-
- 1) Дирка Гинтера, Дирка Дике, Дирка Альбрехта и Петра Хардера.
 - 2) Москов. Главный Архив Мин. Ин. Дел: Донесение резидента в Гданске Трефурта от 17/29 августа 1809 года.

сношений с Англией способствовало отливу из России металлических денег и соответствующему быстрому упадку курса бумажных: если в 1807 году бумажный рубль стоил 67 копеек, то в 1810-м, за три года действия континентальной блокады, он уже упал до 25 копеек. Соответственно этому упал и действительный, не номинальный, доход казны, и образовался огромный для того времени дефицит, достигший в 1810-году почти 105 миллионов рублей при бюджете в 230 миллионов. Количество находившихся в обращении ассигнаций достигло 577 миллионов рублей. Пришлось сразу же сильно повысить налоги и подумать о возможном сокращении расходов. В 1809-м году учрежден был „комитет для сокращения издержек на 1810 год“.

В заседании 29 декабря 1809-го года, рассматривая смету экспедиции государственного хозяйства (по министерству внутренних дел), он постановил исключить из нее 10 тысяч рублей, ассигнованных на улучшение „хозяйственных заведений в саратовских колониях, и на 500 тысяч рублей сократить ассигнования на вызов и водворение колонистов, а именно отпустить 2 миллиона вместо проектированных 2 ½ миллионов рублей. Собственно комитет полагал сократить издержки по этой статье до 1-го миллиона рублей, и согласился на вышеозначенную цифру в 2 миллиона рублей только по настоянию министра внутренних дел, который уверял, что невозможно обойтись меньшей суммой в 1810-м году "по причине действительного уже прибытия колонистов или ожидания оных" Сделав эту уступку, комитет однако счел своим долгом обратить внимание государя на невозможность для государственного казначейства удовлетворять впредь издержкам „столь значущим и впрочем никакой настоятельной нужды за собой не влекущим“, и рекомендовал для сокращения расходов по этой статье принять следующие меры:

1) немедленно уведомить наши миссии и консульства за границей, что впредь никакой ссуды колонистам правительство производить не будет, поставив в обязанность означенным учреждениям предварять являющихся к ним за паспортами иностранцев, что „все те, кои пожелают на собственном своем иждивении прибыть и

поселиться в России, найдут полное покровительство со стороны правительства, получают земли и будут трактуемы точно так, как и прежде сие чинилось за исключением денежного пособия, которого никто впредь получать не может";

2) исключение из этого правила допустить только для суконщиков „по настоятельной нужде в сих изделиях".

Необходимость этих мероприятий комитет мотивировал не только настоятельной потребностью сокращения расходов, но и „чрезмерной дороговизной водворения колонистов", при чем подвергал сомнению самую целесообразность иностранной колонизации. „По ведомостям г. министра внутренних дел видно", писал комитет в своем Журнале, „что одна колонистская семья, около столицы водворяющаяся, стоит казне на первоначальное обзаведение слишком 5000 рублей, тогда как крестьяне, природные подданные, переселяясь из губерний многолюдных на места незаселенные и составляя полезнейшия для государства колонии, никакой почти ссуды не имеют, так что пособие немецкой семье, свободной от рекрутской службы и от других повинностей, даваемое, могло бы с вероятностью обращено быть на переселение семей 50 российских крестьян, к существенной пользе самих их и государства."

Согласно мнению комитета, 25 февраля 1810-го года состоялся высочайший указ на имя министра внутренних дел о прекращении выдачи денежной ссуды колонистам 1).

На этих новых условиях в 1811-м году изъявило желание переселиться 4 меннонитских семейства из окрестностей Мариенбурга в Пруссии в числе 27 душ обоого пола 2).

Наступившая затем в 1812-м году отечественная война и последовавшие за ней военные события приостановили на время переселение меннонитов в Россию; но с 1815-го года опять возобновляется среди меннонитов стремление к переселению в Россию и притом на прежних льготных

1) Полн. Собр. Зак., том XXXI, № 24.131.

2) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Донесение консула Трефурга из Данцига от 19 июня/1 июля 1811 года.

условиях — с получением ссуды на переезд и водворение. 4/16 сентября этого года генеральный консул в Кенигсберге Коцебу уведомил министерство иностранных дел, что 40 меннонитских семей из окрестностей Эльбинга желают переселиться в Россию под условием выдачи им денежной ссуды на переезд и водворение. Управляющий государственной коллегией иностранных дел тайный советник Вейдемейер, немедленно по получении донесения Коцебу, письмом от 13 сентября того же года запросил министра внутренних дел О. П. Козодавлева, „может ли это желание быть удовлетворено"? — Ответ на запрос был отрицательный, в духе указа 25-го февраля 1810-го года. В письме от 17-го сентября 1815-го года министр писал Вейдемейеру: „помянутым 40-ка семьям менонитов можно дать не иначе дозволение переселиться в Россию, как только собственным иждивением без всякого от казны им вспоможения как в пути, так и на самом месте их водворения. Они должны довольствоваться отводом земли, общим покровительством, которое у нас оказывается всем иностранным поселенцам, а особенно привилегиями, кои дарованы выходцам сего вероисповедания, каковыя привилегии подробно изложены в . . . грамоте, всемилостивейше пожалованной обществу менонитов.

„Единоверцы их в Новороссийском крае находятся в весьма хорошем положении. Многие другие колонисты отказались пред сим получить вспоможение от казны на обзаведение особым хозяйством, решаясь жить в их колониях и там снискивать себе трудами благосостояние. Посему я считаю, что если посторонние люди могут удобно пристроиться у новороссийских менонитов, то кольми паче сии не откажутся оказать все вспоможение своим единоверцам при поселении их. Но как бы сие ни было, я покорнейше прошу вас, милостивый государь мой, подтвердить г. генеральному консулу не иначе давать им позволение и пашпорты на следование в Новороссийский край для поселения, как с получением от них формальных подписок, что они не требуют и не будут требовать никаких от казны денежных вспоможений или издержек для их водворения или прокормления, каковыя

подписки и должны быть доставлены министерству внутренних дел". 1)

В 1819-мъ году последовало воспрещение иностранным выходцам селиться в России, но оно не коснулось меннонитов, и их переселение на условиях, определенных указом 25 февраля 1810 года, продолжалось до последнего года царствования императора Александра. В 1819-м году их прибыло из Пруссии 75 семейств, а в 1820-м — 179. „По уважению отличного трудолюбия и устройства в хозяйствах всех водворенных в Новороссийском крае меннонитов", высочайше утвержденное 18 ноября 1820 года Положение Комитета Министров разрешало их единоверцам „выходить из Пруссии и селиться на Молочных Водах, пока вся назначенная для них земля не будет заселена". На водворение меннонитов было ассигновано казной 300.00 рублей, а ежегодный впуск их в Россию был ограничен 200 семейств; в действительности же приток их не превышал в среднем 20 семейств в год. 2)

За царствование Александра I число колоний в молочанском округе возросло до 40, а в Хортицком — до 18 3).

-
- 1) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Письмо министра вн. дел О. П. Козадавлева Ивану Андреевичу Вейдемейеру от 17 сентября 1815-го года.
 - 2) Бондарь. Секта меннонитов в России. Петроград 1916. Стр. 30-ая.
 - 3) Клаус Наши колонии, 151 стр.

Приложение.

Declaration des Edikts vom 30-ten Juli 1789 und des darauf Bezugnehmenden § 28 des Kanton-Reglements vom 12-ten Februar 1792 wegen der Befugniss der Mennonisten, Grundstücke zu erwerben.

Wir Friedrich Wilhelm, von Gottes Gnaden König von Preussen etc.— thun Kund und fügen hiermit zu wissen, wie zwar im Edikt vom 30-eten Juli 1789 die Einschränkungen festgesetzt worden, unter welchen den Mennonisten erlaubt sein soll Grundstücke in Ost- und Westpreussen auch Litthauen an sich zu bringen ohne dass sie gleich den übrigen Enrollement unterworfenen Unterthanen zum Kriegsdienst verpflichtet werden. Es hat sich aber gezeigt, dass die in diesem Edikt enthaltenen Vorschriften den eigentlichen Verhältnissen nicht angemessen sind. Die Erfahrung hat bewiesen, dass Mennonistische Glaubensgenossen Kriegsdienste übernommen und sich darin zur völligen Zufriedenheit ihrer Vorgesetzten so betragen haben, dass sie es verdienen in Ansehung der Befugnisse zum Erwerb von Grundstücken unseren übrigen christlichen Unterthanen ihres Standes gleich gesetzt zu werden. Dagegen kann es denjenigen Mennosisten, welche sich der allgemeinen Verbindlichkeit, das Vaterland zu vertheidigen, noch ferner entziehen wollen, in Zukunft nicht gestattet werden, die Zahl ihrer Besitzungen zu vermehren, oder deren Einfang zu erweitern und die mit der Enrollements-Freiheit verbundenen Vortheile zu benutzen, um andere dem Staate nützlichere christliche Glaubensgenossen zu verdrängen. Diesem gemäss finden Wir nöthig durch gegenwärtige Verordnung genauer zu bestimmen, wie es in Zukunft in Ost- und Westpreussen, auch Litthauen, in allen Fällen gehalten werden soll, wenn Mennonisten den Besitz von Grundstücken erlangen wollen und welcher Unterschied zwischen denjenigen zu beobachten ist, welche die Kantonpflichtigkeit übernehmen, oder auf fernere Enrollements-freiheit Anspruch machen wollen.

§ 1. Diejenigen Mennonisten, welche sich erklären, dass sie die andere(n) Unterthanen ihres Standes obliegende Verbindlichkeit zum Kriegsdienst übernehmen und Kanton Freiheit

nicht verlangen, sollen von allen durch das Edikt vom 30-sten Juli 1789 ihren Glaubensgenossen bei dem Erwerb oder der Erweiterung von Grundstücken gemachten einschränkenden Bedingungen, gänzlich befreiet, und nach eben den Gesetzen, wie andere christliche Glaubensgenossen ihres Standes behandelt werden.

§ 2. Bei der Einziehung zum Kriegsdienst, soll der Kantonpflichtige Mennonist in Rücksicht seiner Glaubensbegriffe mit Ableistung eines Eides verschont und die erforderliche Zusage von ihm mittelst Handschlag angenommen werden.

§ 3. Zu der Abgabe, welche dem Enrollement nicht unterworfenen Mennonisten für diese Freiheit jährlich zum Besten des Culmischen Kadetten-Instituts entrichten, sollen diejenige(n) Mennonisten beizutragen nicht verbunden sein, welche durch die zu übernehmende Verpflichtung zum Kriegsdienste in Ansehung des Erwerbes und der Erweiterung der Grundstücke alle Befugnisse der übrigen christlichen Glaubensgenossen erlangen.

§ 4. Dahingegen soll keinem Mennonisten, der nicht bereit ist auf Enrollements-Freiheit Verzicht zu leisten, fernerhin die Erlaubniss ertheilt werden, auf irgend einige Art solche Grundstücke, es mögen ländliche oder städtische sein, zu erwerben, deren Eigenthum zur Zeit der Publication dieser Verordnung sich nicht im Besitz von Mennonisten befinden, welchem gemäss die hierunter bishero zugelassene Ausnahmen für die Zukunft gänzlich aufgehoben werden, so dass die jetzt vorhandene Anzahl der Kantonfreien Mennonisten Besitzungen in der Folge auf keinerlei Art vermehrt oder deren Umfang erweitert werden darf.

§ 5. Der zur Zeit der Publikation gegenwärtiger Verordnung mit Grundstücken angesessenen Mennonisten soll, so lange sie sich zu dieser Seite halten und im Besitz ihrer Grundstücke verbleiben die ihnen zugesicherte Kanton-Freiheit Ihrer Söhne ferner zu statten kommen, wogegen sie den gesetzlichen Bedingungen, unter welchen ihnen diese Exemption gehalten worden, überall genüge leisten müssen.

§ 6. Diese Enrollements-Freiheit soll auch unverändert bleiben, wenn bei dem Abgang der jetzigen Eigentümer die Grundstücke wiederum auf Mennonisten als männliche Intestaterben des jetzigen Besitzers übergehen.

§ 7. Ausser diesem Fall, wo das Eigenthum an einen männlichen Intestat Erben Mennonistischen glaubensbekenntnisses gelangt, soll die Enrollements-Freiheit bei der nächsten Besitzesveränderung gänzlich aufhören, und derjenige, welcher ein solches Grundstück durch Kauf, Tausch, Schenkung, Testament, Vermächtniss, Verheirathung mit der Witwe, Tochter oder einer Anverwandtin des letzten Besitzers, oder sonst auf irgend einige Art erlangt, einen Anspruch auf Befreiung von der Kantonenpflichtigkeit zu machen nicht berechtigt sein.

§ 8. Die durch das Privilegium vom 20-ten März 1780 für die Bewilligung der Kanton-Freiheit bestimmte Abgabe von 5000 Rthlr. an das Kadetten-Institut zu Culm, muss noch ferner unvermindert entrichtet und von den Enrollementsfreien Mennonisten zusammengebracht werden. Nur dann, wenn sich die Anzahl der nicht Kantonpflichtigen Mennonisten so vermindert haben wird, dass sie weniger, als die am 29-ten März 1780 vorhanden gewesene betrüget, soll ein verhältnismässiger Erlass bewilligt werden. Diesem gemäss befehlen Wir allen Unsern Militär- und Civil-Behörden, sich nach dem Inhalt dieser Deklaration nicht nur selbst auf das genaueste zu achten, sondern auch die nötigen Verfügungen zu treffen, dass dieselbe überall pünktlich befolgt, zu diesem Behuf durch den Druck öffentlich bekannt gemacht und in jedem vorkommenden Fall in Ausübung gebracht werde. Urkundlich haben Wir diese Verordnung Allerhöchst eigenhändig unterzeichnet und mit Unserm Königlichen Insiegel drucken lassen.

Gegeben Potsdam, den 17-ten Dezember 1801

Friedrich Wilhelm.1)

1) Означенная декларация была напечатана в „Кöniglich preussische Staats-Krieges und Friedens Zeitungen. 23-stes Stück. Montag den 22 Marz 1802" (Архив Мин. Земледелия, дело, № 1934/2252).

Перевод

Объявление указа от 30 июля 1789 г. и относящегося к оному § 28 кантонного учреждения от 12 февраля 1792 года в разсуждении права меннонистов о приобретении недвижимого имения.

Мы Фридрих Вильгельм, Божию милостию король прусский и пр. сим объявляем и даем знать, что хотя в указе от 30-го июля 1789-го года учинены предписания, в силу коих позволено меннонистам приобретать недвижимое имение в Восточной и Западной Пруссии, а также и в Литве, не будучи подвержены подобно прочим подданным рекрутскому набору, ниже военной службе, однакож потом оказалось, что в сем указе содержащаяся предписания не сообразны с настоящими обстоятельствами. Опыт доказал, что меннонисты, вступивши в военную службу, в оной вели себя к совершенному удовольствию своих начальников, а потому самому они, в разсуждении права на приобретение недвижимого имения заслуживают уравниены быть с прочими нашими христианскими подданными подобнаго им звания. Напротив того тем меннонистам, кои станут продолжать впредь уклоняться от всеобщаго долга защищать отечество, на будущее время не позволяется размножат своих владений, или расширять пространство оных и пользоваться соединенными с освобождением от рекрутства выгодами, служащими к угнетению других полезных государству христиан. Вследствие чего за нужное находим Мы сим предписанием точнее определить, как должно впредь поступать во всех случаях в Восточной и Западной Пруссии, а равно и в Литве, ежели меннонисты пожелают приобретать недвижимое имущество, и какое наблюдать различие между теми, кои принимают на себя кантонную обязанность, или пожелают впредь быть свободными от рекрутскаго набора.

§ 1. Те меннонисты, кои объявят, что они готовы нести наравне с прочими подданными их звания подлежащая обязанности в разсуждении военной службы, и не пожелают пользоваться кантонною свободою, имеют быть

освобождены совершенно от всех ограничивающих условий, учиненных их единоверцам в силу указа от 30-го июля 1789-го года касательно приобретения или распространения недвижимого имения, а поступать с ними по тем же самым правилам, как и с прочими христианами их звания.

§ 2 Во время принятия в военную службу от кантонного меннониста, в разсуждении понятий его о вере, не должно требовать присяги, а принимать потребное от него на то согласие посредством подавания руки, или верного его слова.

§ 3. От подати, которую неподверженные рекрутскому набору меннонисты за сию свободу вносят ежегодно в пользу Кульмского кадетского института, освобождаются те меннонисты, кои, посредством принятой обязанности нести военную службу, в разсуждении приобретения и распространения недвижимого имения вступают во все права прочих христиан.

§ 4 Напротив того никакому меннонисту, которой не желает лишиться свободы от рекрутского набора, не будет впредь позволено, каким бы то образом не было, приобретать недвижимое имение, сельское ли оно или градское, коего собственность во время объявления сего предписания не состоит во владении меннонистов, а потому и бывшее донныне изъятие наперед совершенно прекращается, так что состоящее ныне количество владений меннонистов, свободных от рекрутского набора, в последствии никаким способом умножено или пространство оных расширено быть не может.

§ 5. Меннонистам во время публикации сего предписания владеющим недвижимыми имениями, доколе они придерживаться будут сей сетки и останутся во владении тех своих недвижимых имуществ, предоставляется и впредь обеспеченная им кантонная свобода в разсуждении их сыновей, напротив чего обязаны они в точности исполнять законные условия, в силу коих даровано им сие изъятие

§ 6. Сие освобождение от рекрутства должно остаться неизменным, когда при кончине теперешняго владельца недвижимое имение опять переходит к меннонистам, яко мужеска пола законным наследникам последняго владельца.

§ 7. Кроме сего случая, когда достается собственность мужеска полу законным наследникам меннонистского вероисповедания, освобождение от рекрутства при первой перемене владения должно совершенно прекратиться, и кто такое недвижимое имение посредством купли, мены, дарения, завещания, духовной записи. бракосочетания со вдовою, дочерью или родственницею последнего владельца, или иным каким образом приобретет, тот не имеет права чинить притязание на освобождение от кантонной повинности.

§ 8. Назначенная в силу привилегии от 29 марта 1780 года за кантонную свободу подать в 5000 рейхсталлярах состоящая в пользу кадетского института в Кульме также и впредь без умаления платима и с уволенных от рекрутства меннинистов собираема быть должна. Токмо тогда, когда число неподлежащих кантонной обязанности меннонистов как уменьшится, что оно будет составлять менее существовавшего 29-го марта 1780 года, должно учинить соразмерную сбавку в разсуждении чего мы повелеваем всем Нашим военным и гражданским присутственным местам нетолько наиточнейшим образом поступать по содержанию сего объявления, но также и надлежащая чинить распоряжения, дабы оное повсюду во всем исполняемо было, на каковой конец объявили Мы всенародно печатными листами, чтоб при всяком встретившемся случае было приведено в действие. Во уверение чего Мы учреждение сие высочайше собственноручно подписали и повелели приложить Нашу королевскую печать.

Дано в Потсдаме 17-го декабря 1801-го года.

Фридрих Вильгельм 1)

1) Означенный перевод заимствован из дела „О поселении в России прусских менонистов и разных немецких ремесленников“, хранящегося в Москов Гл. Архиве Мин. Ин. Дел.

Работы того же автора по истории иностранной колонизации в России:

Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в.
Москва 1909.

К истории иезуитов в России (вероисповедный вопрос в колониях Поволжья сто лет тому назад). Варшава 1912.

Внутренний распорядок в колониях Поволжья при Екатерине II. Варшава 1914.

Иностранцы колонисты греко-русского исповедания в Поволжье (Труды Саратовской Архивной Комиссии, вып. 33, 1916 г.)

Хозяйство и форма землевладения в колониях Поволжья в XVIII и в первой четверти XIX века. Ростов на Дону 1916.